

INSPIRIA

Друда
ШИБЕК

ПОД
туманом
СОЛНЦЕМ

INSPIRIA

Novel. Книжный клуб Фриды Шибек

Фрида Шибек

Под чужим солнцем

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Шибек Ф.

Под чужим солнцем / Ф. Шибек — «Эксмо», 2021 — (Novel.
Книжный клуб Фриды Шибек)

ISBN 978-5-04-199409-9

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ РОМАН С ЭЛЕМЕНТАМИ САСПЕНСА. Когда самого близкого тебе человека подозревают в преступлении, встанешь ли ты на его сторону? Лидия, как никто другой, знает, что ее младший брат Даниель в прошлом совершал дурные поступки. Но с тех пор Даниель изменился и сумел наладить свою жизнь. Поэтому, когда Лидия узнает, что брата обвиняют в похищении молодой женщины из богатого района, она не верит ни единому слову полиции. Кто эта женщина и какая у нее может быть связь с Даниелем? Лидии нужно принять решение. Однажды она уже поддалась эмоциям и обвинила брата, и это трагично изменило жизнь всей семьи. В этот раз Лидия хочет дать Даниелю шанс. Это становится началом ее пути от бедных районов Маальмё к шикарным домам, неожиданным знакомствам и к переосмыслению понятий самоидентичности и любви. Всепоглощающий роман-драма о важности семьи, вторых шансах и опасности предрассудков. От Фриды Шибек, известной шведской писательницы и номинантки «Der LovelyBooks Leserpreis», одной из главных премий за вклад в художественную литературу.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-199409-9

© Шибек Ф., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Лидия	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фрида Шибек

Под чужим солнцем

Frida Skybäck

De rotlösa

© Frida Skybäck 2021, by agreement with Andrew Nurnberg on behalf of Enberg Literary Agency AB

В оформлении переплета использованы фотографии:

© Mardonxy, Smiltena / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Юченкова А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Лидия

Глава 1

В дверь стучат. Я выключаю воду на кухне и бросаю взгляд в гостиную, где в кресле перед телевизором сидит папа. Я говорю: «Я открою» и думаю, что, наверное, Таня пришла забрать что-то из своих вещей. Она с двумя дочками живет в квартире напротив, я приглядываю за ними, пока Таня работает в ночную смену.

Но на выкрашенной серой краской лестничной площадке стоит не Таня. Это мужчина примерно сорока лет, от серьезного выражения его лица у меня внутри все сжимается.

– Здравствуйте, я...

– Да? – нетерпеливо перебиваю я.

На нем темные брюки чинос, красивый пиджак и кожаные туфли, он жестом показывает, что хотел бы войти.

– Я из полиции. Можно войти?

Я думаю, что не стоит впускать в квартиру кого ни попадя, что нужно попросить у него документы, но несмотря на то, что на нем нет формы, чувствуется, что он говорит правду. Полиция всегда приходит, когда в наших окрестностях что-то происходит. Наверняка они хотят узнать, не видели ли мы с папой что-то необычное, я всегда говорю «нет», потому что не хочу ни во что вмешиваться. Но в этом мужчине есть что-то особенное. В его взгляде нет привычной усталой покорности, как у остальных, и ведет он себя не так скованно и настороженно.

Пока он достает свой блокнот, я пытаюсь угадать, что ему нужно. Он словно отмыт до блеска. Лицо бледное, даже ресницы светлые, но внешне он довольно привлекательный.

– Вы Лидья Симович? – равнодушно произносит он.

– Лидия, – поправляю я, хотя и знаю, что в реестре налогоплательщиков мое имя записано как «Лидья». – Что-то случилось?

– Просто хочу задать вам несколько вопросов.

– Я только что вернулась с работы и ничего не видела.

Кажется, он совершенно меня не слушает. Вместо этого он изучает стоящую на полках обувь, а потом впервые поднимает на меня взгляд и смотрит прямо в глаза.

– Вашего брата зовут Даниель Симович, не так ли?

На несколько секунд я забываю дышать.

– Да, но он здесь не живет.

Он заглядывает через мое плечо в гостиную.

– Это мой отец.

– Бранко Симович, – добавляет он. – Вы вместе здесь живете?

– Да, – быстро отвечаю я, пытаюсь понять, почему полиция интересуется Дани. С ним что-то случилось? Он попал в аварию? Но ведь тогда полицейский сразу же сказал бы мне об этом.

– Когда вы последний раз общались с братом?

– Не помню... Несколько недель назад, – говорю я, стараясь оставаться спокойной, но сердце бьется словно дикий зверь. – Извините, а в чем, собственно, дело?

– Можете вспомнить, в какой конкретно день это было?

Я достаю мобильный из заднего кармана брюк, пролистываю список звонков и протягиваю полицейскому телефон, в котором значится исходящий звонок на номер Дани в шесть тридцать пять вечером в понедельник ровно неделю назад, в голове проносятся мысли обо всех возможных катастрофах. Пару лет назад, когда Дани был подростком и вечно вляпывался в разные неприятности, подобный визит меня совершенно не удивил бы. Но сейчас он наладил

свою жизнь, нашел себе квартиру и работу, которой очень гордился. Не думаю, что он решил бы рискнуть всем этим.

Полицейский записывает что-то в блокнот и кивает.

– О чем вы говорили?

– Я позвонила, чтобы узнать, как у него дела.

– И что он сказал?

– Что у него все хорошо, – с раздражением отвечаю я и думаю, что все это какая-то ошибка. Но я ничего не говорю, потому что понимаю, в каком я сейчас положении.

– И с тех пор вы с ним не говорили и не виделись?

– Нет.

– Он общался с вашим отцом?

– В январе у папы случился инсульт, с тех пор у него проблемы с памятью, но я думаю, что не общался. Почему вы спрашиваете?

Кристиан Валлин откашливается.

– Нам нужно связаться с Даниелем, у нас есть к нему вопросы.

– Вы не пытались ему звонить?

– Его мобильный телефон выключен.

– Скорее всего, просто села батарейка. С ним такое часто случается. – Я улыбаюсь, но выражение лица полицейского не меняется, я замечаю несколько маленьких морщин над его носом.

– Можно ли как-нибудь еще с ним связаться?

Я колеблюсь. Дани, разумеется, не обрадуется, если полицейские заявятся на его новую работу, но я все-таки сдаюсь.

– Он работает в кофейне Wayne's Coffee. Возле небоскреба «Закрученный торс» в Вестра-Хамнен.

Полицейский делает еще какие-то пометки в блокноте и протягивает мне свою визитку, на которой указано «инспектор-криминалист».

– Он часто так пропадает?

– Нет, что вы.

– Если вы что-нибудь о нем узнаете, пожалуйста, свяжитесь со мной. Нам нужно поговорить с ним как можно скорее.

– Хорошо.

Его взгляд останавливается на распятии, которое мама и папа получили в качестве свадебного подарка, оно висит на стене. Затем он обводит взглядом загроможденные кухонные столешницы и замечает, что линолеум в углу кухни порвался, вздыбился и закрутился. Мне становится стыдно. Я знаю, о чем он думает, я чувствую его взгляд.

Закрыв за полицейским дверь, я достаю мобильный и набираю номер Дани. Я жду не дыша, но вместо сигнала слышен только монотонный голос, сообщающий, что абонент находится вне зоны действия сети. На всякий случай я звоню еще раз, потом открываю WhatsApp и пишу ему сообщение:

«Дани, где ты? Я тебя ищу. Срочно позвони, это важно. Тебя ищет полиция».

Я вижу в окно, что полицейский поворачивает за угол. Я еще раз перечитываю сообщение и стираю последнее предложение, а потом отправляю.

Папа кашляет. Я чувствую его запах даже на кухне. Ему нужно в душ, но я натаскалась тяжести на работе, и у меня нет сил.

Я опускаюсь на табуретку возле стола, не выпуская из вида телефон. Может, Дани потерял свой мобильный или его украли? Может быть, как раз сейчас он пытается раздобыть себе новый и позвонит мне сразу же, как только его получит? Но это не объясняет, почему его ищет полиция.

Я думаю о тех преступлениях, которые Дани совершил в юности. В них виновата банда, в которую он попал, но ведь он давно с ними не общается. Пару лет назад он действительно совершал чудовищные ошибки, но ведь это все давно в прошлом.

Небо темнеет, поднимается ветер. С каждым вечером осень подбирается все ближе, в последние дни, просыпаясь по утрам, я вижу мокрые от дождя улицы. Я захожу к папе, чтобы привести его в порядок, думаю, что все так или иначе наладится. Но тревога не покидает меня, я укладываю папу спать и весь оставшийся вечер не отвожу взгляда от черного экрана телефона.

Глава 2

На следующее утро я варю очень крепкий кофе. От Дани так ничего и не слышно, и я начинаю нервничать. Разве он не понимает, что я чувствую, когда он так исчезает, как я волнуюсь? Мила тоже ничего мне не ответила. Вчера вечером я отправила ей сообщение и спросила, не знает ли она, где Дани, но она, видимо, слишком занята своей прекрасной жизнью, чтобы ответить мне.

Я открываю верхний ящик кухонного стола и вижу поблескивающий внутри нож, меня словно пронзает молнией. Видимо, я положила его туда по ошибке, когда разбирала посудомойку. Я сразу же убираю его в потайной ящик в шкафу к остальным ножам, зубочисткам и другим острым предметам. Ничего такого у нас дома пока не происходило, но рисковать я не хочу. Насмотрелась на разные ужасы на работе – в доме престарелых «Рённен». Или, как говорит моя коллега, – в тюрьме для живых мертвецов. Папе там точно не понравится, так что, пока он не выходит из квартиры, мы с ним справимся сами.

Папа еще спит, прежде чем уйти, я готовлю завтрак и оставляю его на столе: большой бутерброд с маслом и сыром – хлебные корки я обрезаю, потому что ему трудно жевать, – термос с кофе и апельсиновый сок.

На лестнице я вижу Таню. Стук ее каблучков раздается по всему дому, я чувствую запах вчерашних духов, смешавшийся с запахом ее кожи. Она подходит к окну, открывает створку и закуривает. Ждет, пока разгорится огонь, и жадно затягивается.

– Все нормально?

Я киваю. Я уже отправила ей сообщение, когда заходила к девочкам сегодня утром.

– Ты ведь знаешь, что я могу спать у них, если хочешь.

– Все хорошо, – говорит она и машет сигаретой так, что с нее слетает пепел. – Ты нужна отцу.

– Ладно, но обещай, что ты мне скажешь, если передумаешь, – отвечаю я и закрываю за собой дверь. – Обед в холодильнике.

Она выдыхает дым и тушит сигарету об оконный косяк.

– Надеюсь, мои дети будут заботиться обо мне так же, когда я постарею. Кстати, я слышала, что к тебе вчера кое-кто заходил. Мне звонила Инез, – добавляет она, пожимая плечами.

«Чертова Инез», – думаю я. Похоже, она целыми днями просиживает возле окна. Не упустит ничего, что происходит в нашем квартале.

– Ничего особенного. Очередные рекламщики.

– Ага, – говорит она, выбрасывает окурок и закрывает окно. – Береги себя.

– И ты.

Утреннее солнце отражается в окне Инез, из-за этого внутрь заглянуть невозможно, но я знаю, она там, и едва сдерживаюсь, чтобы не показать ей средний палец. По дороге к автобусу я звоню Дани, но мне отвечает все тот же монотонный голос. Чем он вообще занят? Почему не отвечает?

Эмоции кипят, я придумываю, что именно скажу ему, когда он появится. Абсолютно безответственно вот так исчезать. Потом я вспоминаю о том случае, когда Дани разнял двух драчунов возле Стуртинга и его пырнули осколком бутылки. Тревога вспыхивает с новой силой, мне становится стыдно за свои мысли. Может быть, на моего брата напали! Может, он истекает кровью где-нибудь в подворотне!

Я захожу на самый большой сайт новостей, прочитываю основные заголовки и немного успокаиваюсь. Никаких сведений о нападении на человека или поножовщине. Вместо этого в новостях рассказывают о железнодорожной катастрофе на севере страны, о политическом соглашении и о пропавшей женщине. Мой взгляд останавливается на ее фотографии. Блон-

динка в белой блузке, большие глаза, как у олененка. Написано, что уже несколько дней ее не могут найти. Завтра ее фотография появится на передовицах всех газет, готова ставку в тотализаторе сделать.

Я думаю о Фатиме, семнадцатилетней девушке, которая пропала в прошлом году всего в нескольких кварталах отсюда. Она шла в прачечную, чтобы забрать свою куртку, и так и не вернулась домой. Через некоторое время ее мама начала беспокоиться и пошла ее искать, но нашла только мокрую куртку в стиральной машине. На протяжении нескольких недель ее родители расклеивали объявления с ее фотографиями на столбах, я их несколько раз видела. Несмотря на то что опросили почти весь квартал, средства массовой информации не написали об этом ни строчки. Конечно, ведь у Фатимы не было светлых волос и глаз олененка.

От этих воспоминаний мне становится нехорошо, и я думаю, не стоит ли отправиться на поиски Дани, пройти мимо его дома, зайти в магазинчик на углу, куда он обычно заходит, но тут приходит автобус, и я уезжаю. Смена начинается через двадцать минут, и как бы я ни волновалась, за такое короткое время замену мне не найти.

Через восемь часов я ухожу из дома престарелых. От Дани так ничего и не слышно, немного поколебавшись, я звоню его начальнику Самиру, тот говорит, что не разговаривал с моим братом с прошлой пятницы, когда тот сказался больным.

– Он потерял мобильный, – выдавливаю я. – Но он по-прежнему плохо себя чувствует. Думаю, грипп подцепил.

– Здесь была полиция, расспрашивали о нем, – говорит Самир. – Ты что-нибудь знаешь об этом?

Какое-то время мы оба молчим, пока я подыскиваю, что бы такое сказать.

– Он был свидетелем нападения, – вру я наконец. – Полиция, видимо, пыталась с ним связаться по потерянному мобильнику.

– О черт! – говорит Самир, но я слышу нотки скепсиса в его голосе.

– Он кашляет, и температура все время повышается, – продолжаю врать я, потому что знаю, как нравится Дани его работа. – Но он обещает перезвонить, как только ему станет лучше.

– Ладно. Передавай, чтобы выздоравливал.

Я вижу, как набитый людьми зеленый автобус подъезжает к остановке. Я смотрю на часы. Нужно приготовить ужин для папы, да и в магазин хорошо бы зайти, и все-таки я поворачиваю и иду в другую сторону.

Дани снимает квартиру в неуютном многоквартирном доме. Когда-то учитель рассказывал нам, что вплоть до 1920-х годов в этом районе засеивали поля, но потом тут пришлось построить жилье для рабочих. Восемь деревянных бараков без туалетов и проточной воды. Временное жилье, превратившееся в постоянное, когда район постепенно застроился панельными домами для тех, у кого не было денег. Даже сейчас это место – черная дыра, попав сюда однажды, невозможно избавиться от грибка на стенах и всевозможных насекомых-паразитов.

Я всем телом ощущаю присутствие этих насекомых. А что, если что-то произошло с Дани в его квартире? Он ведь мог упасть и удариться головой или внезапно заболеть. Я ускоряюсь и чувствую, как нарастает тревога, я начинаю злиться на полицейского, который приходил ко мне вчера. Он вообще был дома у моего брата? Он убедился в том, что Дани не лежит без сознания на полу?

Сердце колотится, мне приходится сглатывать тошноту. Я обхожу желтый дом с осыпающейся штукатуркой. На одном из балконов соседи повесили жалюзи из бамбука, но они порвались от ветра, и теперь их обломки болтаются на грязной телевизионной антенне.

Я поднимаюсь по знакомой лестнице многоэтажного дома и думаю о том дне три года назад, когда Дани переехал сюда. Как он был рад, что у него появилось его собственное жилье. Мила помогала заносить черные пластиковые пакеты с вещами и мебель, купленную с рук на

сайте объявлений. Потом мы заказали пиццу и ели ее прямо из коробки, как самая обычная семья.

Когда я поворачиваю ключ и толкаю дверь, кровь стучит у меня в висках.

– Дани! – кричу я, но никто не отвечает.

Дверь открывается, и я вздрагиваю от того, что вижу. Замерев в дверном проеме, я оглядываю квартиру. Весь коридор завален вещами. Обычно аккуратно висящие на вешалке куртки сброшены, шкафчик для обуви перевернут, все, что лежало на комод, валяется по всему полу. Стеклянная ваза, в которой Дани обычно держит ключи, разбилась на тысячу осколков, острые стекляшки сверкают на вечернем солнце.

Я глубоко вдыхаю, переступаю порог и закрываю за собой дверь. Дани бы никогда не оставил квартиру в таком беспорядке, он намного более организованный, чем кажется.

В гостиной все как обычно. Занавеска у спальной ниши наполовину задернута, за ней виднеется аккуратно застеленная кровать Дани с лиловым покрывалом. Одна из дверей шкафа распахнута, но в остальном все выглядит как всегда. На диване лежит книга и небрежно свернутая салфетка, а на столе стоят два стакана с водой.

Меня охватывает паника, дышать так тяжело, что мне приходится напрягаться, чтобы загонять воздух в легкие. Я пытаюсь собрать воедино картинку того, что я вижу. Я все еще пытаюсь уловить какой-то знак. На маленькой стеклянной полочке над раковиной в ванной комнате стоит стакан, но зубной щетки в нем нет, косметичка, которую я подарила брату на Рождество, тоже пропала.

Я вся дрожу, достаю из кармана визитную карточку Кристиана Валлина и мобильный телефон. Мне нужна его помощь. Кто-то что-то сделал с моим Дани, сейчас я понимаю это очень четко. Перед моими глазами предстает картина: какие-то люди в масках врываются в квартиру, вытаскивают из нее моего брата, я вижу, как он отбивается от них руками и ногами. Я набираю номер, но вдруг останавливаюсь. Смотрю на стаканы на столе – почему их два? Почему исчезла зубная щетка Дани?

Темно-желтый край дивана – мягкий и бесформенный, и все же я сажусь на него, мне надо подумать. Кристиан Валлин приходил ко мне вчера не случайно. Он в чем-то подозревает Дани и, конечно, посчитает беспорядок в коридоре доказательством своей правоты. То есть они повернут всю эту историю против моего брата, так что я знаю, что мне нужно сделать.

На стене возле кладовки в красивой рамке висит фотография, на ней мы с Дани. Я на год его старше, но он выше и стоит, склонив голову к моему плечу. «Псевдодвойняшки, – так сказали маме в детской поликлинике, – они будут держаться вместе всю свою жизнь». Я изучаю наши улыбающиеся лица, одинаковую одежду и вдруг понимаю, что это одна из последних фотографий, которую сделали до того, как мама заболела. И я открываю кладовку.

На удивление уборка не занимает много времени. Посуда вымыта, одежда висит на своем месте, шкафчик для обуви стоит правильно, осколки выброшены в мусорное ведро, никаких признаков того, что что-то не так, не осталось. Я чувствую удовлетворение и думаю о том, как обрадуется Дани, когда вернется домой и увидит, что я навела в коридоре порядок. Лишь наклонившись за закатившейся за плинтус монеткой, я замечаю их. На виниловых обоях персикового цвета я вижу десяток красных пятен и сразу же понимаю, что это кровь.

Я смотрю на эти темные пятна словно в трансе, чувствую, как в животе образуется тяжелый комок. Крови совсем немного, такое бывает, когда кто-то порежется или если идет кровь из носа, но я реагирую на высоту и форму. Постояльцы «Рённена» иногда случайно режутся, разбивают стакан или неосторожно обращаются с ножом, но в этом случае капли крови на полу похожи на круглые звезды, а эти пятна длинные и растянутые. И в голову мне приходит другая, запретная мысль – что эта кровь может принадлежать кому-то другому. Что Дани сделал что-то такое, из-за чего ему пришлось бежать.

Убрать беспорядок в коридоре – одно дело, но стирать со стены кровь – совсем другое. Может быть, это улика, только я не знаю, что именно она доказывает, и я думаю о том, что случится, если я пятна сотру. Это вообще законно? Меня накажут? А если я скажу, что не понимала, что они имеют какое-то значение? Что я просто хотела, чтобы стало чисто?

На строительной площадке на другой стороне улицы включается бур. Звук проникает повсюду, мыслить ясно становится совершенно невозможно. Если это кровь Дани, она могла появиться здесь когда угодно, но если она не его, полиция наверняка ей заинтересуется.

Я смотрю на пятна крови, глубоко вздыхаю, а потом распыляю на стену чистящее средство. Оно пенится и льется на пол, я тщательно вытираю все тряпкой. Тру до тех пор, пока от пятен не остается никаких следов.

Закончив, я протираю и все другие поверхности, так всегда делают в кино. Провожу тряпкой по дверным ручкам и косякам, ставлю чистящее средство на место и собираю пакет с мусором, выброшу его, когда буду уходить.

Я выхожу на лестничную площадку, и в этот момент звонит телефон. Это Мила, она наконец решила мне перезвонить.

– Привет! Зачем ты ищешь Дани?

– Я пытаюсь дозвониться ему со вчерашнего дня, но телефон отключен.

– Наверняка он его потерял или забыл где-нибудь, как обычно, – вздыхает Мила. – Чему ты удивляешься?

Я сглатываю, не знаю, стоит ли рассказывать ей все, и Мила замечает мои колебания.

– Что-то случилось?

– Нет. Хотя да, к нам с папой приходил полицейский. Он искал Дани.

– Что? Почему?

– Он не сказал.

– Черт. Подожди-ка. – Я слышу скрип двери, она выходит на улицу, я прямо вижу, как она прячется в тенистом саду с беседкой и ящиками с цветами. – Ты думаешь, он придет и сюда тоже? – наконец говорит она.

– Полицейский? Вполне возможно.

– Что он опять натворил? – выдыхает она.

– Еще неизвестно, он ли что-то натворил. Ты ведь знаешь, как работает полиция.

– Лидия, – говорит она строго. – Мы ведь говорим о Дани.

– Который прекрасно справлялся после того, как вышел из тюрьмы, который постоянно ходил в реабилитационные группы.

– И который обещал прийти на выступление танцевальной студии Эллен на следующей неделе. О, как она расстроится.

– Не говори пока ничего детям! Мы ведь не знаем, что случилось.

– Конечно не скажу, но, знаешь ли, врать я им тоже не буду. Они все равно заметят, что Дани исчез.

Мы молчим, но я знаю, о чем она думает. Она размышляет о том, как эта ситуация повлияет на нее, каким образом она сможет минимизировать последствия для своей жизни.

– Я беспокоюсь о нем, – говорю я после продолжительного молчания.

– Понимаю, но тебе ни в коем случае нельзя ни во что вмешиваться. Подумай о себе, а!

– Но ведь Дани, может быть, нужна наша помощь, – протестую я.

Она снова вздыхает.

– Не знаю, заслуживает ли он ее. Ты ведь знаешь, с какими личностями он общался. Если и в этот раз все будет так же, я хочу держаться от этого подальше.

– Да ладно тебе, он ведь наш брат.

– Мне все равно. Он сам во всем виноват.

Я чувствую, как набегают слезы, пытаюсь их сглотнуть.

– Послушай меня, – продолжает она, голос звучит очень твердо. – Держись подальше от Дани и никому об этом не рассказывай. Если уж в дело вмешалась полиция, значит, все серьезно. Последнее, что тебе нужно, это вляпаться в его дерьмо.

Я смотрю на зеленый мешок для мусора в моей руке, чувствую, как мои пальцы касаются мягкого полиэтилена. Тряпки и осколки стекла почти ничего не весят. Потом я думаю о том, чего не понимает Мила. Я уже вмешалась. Проблема Дани – моя проблема. Так было всегда.

Глава 3

Мне было одиннадцать, я стояла возле заброшенного дома неподалеку от старой железной дороги вместе с Джозефиной. Штукатурка отвалилась кусками, у окна торчали утыканные гвоздями доски, весь фасад покрывали граффити. Большие серо-черные буквы вздувались над красным кирпичом.

Я искала в сумке конфету, которую я обещала Джозефине, а она собирала волосы в хвост. Волосы были длинные, светлые, слегка выющиеся. Джозефина воплощала в себе все, о чем я только мечтала. Она была очень милой, прекрасно рисовала, жила в отдельном доме в Кюльдалле и ездила на двухцветном велосипеде «Кресент» с корзинкой.

Мы ушли далеко от школы, но я хотела прийти именно сюда. Хотела побыть с ней наедине, подальше от других девочек. Лучшей подругой Джозефины была Тереза, а я, в общем-то, всегда держалась на периферии. Занимала место Терезы, когда она болела или уезжала куда-нибудь с семьей. В моем пенале всегда было полно жевательных мармеладок, которые так любила Джозефина. Тереза знала об этом и следила за Джозефиной, как волчица за своими волчатами. Как только я подходила к ним, она сразу же обнимала Джозефину и шептала ей в ухо какой-нибудь секрет так, чтобы было слышно только им двоим. Но я не сдавалась, ведь дружба с Джозефиной была единственным, чего я по-настоящему хотела. Я представляла себе, какой была бы моя жизнь, если бы Джозефина выбрала в лучшие подруги меня.

Сейчас в руках у меня был козырь. Джозефина влюбилась в кузена Терезы Бенжамина. Он был на год старше и самый симпатичный из всех шестиклассников школы Софиелюнде. По крайней мере, так считала Джозефина, поэтому они встречались. Но я видела Бенжамина с Ангелиной из параллельного класса. Я видела, как она взмахивала длинными волосами и улыбалась очаровательной улыбкой. Ставки были очень высоки, но я устала ждать и решила использовать свой шанс.

– Что ты хотела мне рассказать? – спросила Джозефина, доставая из пакетика, который я держала перед ней, кислую пастилку.

Я колебалась. То, что я собиралась рассказать, должно было расстроить ее.

– Лидия?

– Да, – вздохнула я, пытаясь показать, что мне тяжело об этом говорить. – В общем...

Больше я не успела ничего сказать, потому что за угол завернула Тереза на своем велосипеде.

– Вот они! – закричала она и так близко подъехала к тротуару, что ее колесо врезалось в нас. – Вы чего ушли?

Она обвиняла нас, и мне стало не по себе. Ну почему я не сказала все сразу? Ну и как теперь все это сказать?

– Лидия хотела мне что-то рассказать, – ответила Джозефина и взяла еще одну пастилку.

– Да ладно? И что же?

Я дергала нитки из куртки, но сразу же перестала, как только заметила критический взгляд Терезы. При ней я все время чувствовала, что со мной что-то не так.

– Это про Бенжамина, – пробормотала я.

– И что с ним? – спросила Джозефина.

Я глубоко вздохнула.

– Я видела его в субботу рядом с кафе на улице Амралсгатан, – сказала я и посмотрела на Джозефину. – Он был с Ангелиной, они выглядели как парочка.

– Парочка? Что ты имеешь в виду?

– Они целовались.

Тереза спрыгнула с велосипеда и отбросила его в сторону.

– Ты врешь! – сказала она, поворачиваясь к Джозефине. – В четверг он был у нас. На семейном обеде.

– Когда? – спросила меня Джозефина.

– Вечером.

– Это неправда, – взорвалась Тереза. – Спроси мою маму, если хочешь!

Джозефина посмотрела на меня, в ее взгляде была неуверенность, она явно не знала, может ли верить моим словам.

– Ты просто завидуешь, потому что у тебя нет парня, – продолжала Тереза, обнимая Джозефину за плечи.

Я чувствовала, как счастье ускользало из моих рук. Это был мой шанс завоевать Джозефину, но вместо этого я ее теряла.

– Я уверена, что видела его, – запротестовала я, но мой голос сорвался на октаву выше, я сама услышала, как жалко он прозвучал.

– Он любит тебя, – убеждала Тереза Джозефину, прижимая ее к себе. – Не слушай Лидию, она всегда врет.

Я хотела возразить, но всегда терялась в сложных ситуациях. Я не такая самоуверенная, как Тереза, и не умею кусаться в ответ. Вместо этого я замолчала и отвернулась. И тут я заметила его.

Дани выследил нас. Он спрятался за контейнером в паре метров от нас и подслушивал, мне стало очень стыдно. Я жестом приказала брату исчезнуть, я не хотела, чтобы он был здесь.

– Бенжамин никогда бы так не поступил, – утешала Тереза Джозефину, обнимая ее. – Он любит тебя.

Тишина становилась все мучительнее. Я хотела уйти, но не могла, Джозефина высвободилась из объятий Терезы, и я решилась посмотреть на нее.

– Ты врешь? – с надеждой спросила она.

Я помотала головой, но ее это не убедило.

– Да ну тебя! – сказала Джозефина. – И надо же было такое выдумать!

Тереза подняла свой велосипед, и как только они скрылись из вида, я почувствовала, словно вокруг меня сомкнулась жесткая скорлупа. Я не хотела, чтобы меня кто-нибудь видел, я просто хотела исчезнуть. Провалиться под асфальт и пропасть.

Дани не уходил. Он все еще стоял за контейнером, и я тихо молилась о том, чтобы он не слышал наш разговор.

– Привет, – осторожно сказал он.

– Что ты здесь делаешь?

– Ничего, – ответил он, пожимая плечами, от чего один ремешок его переполненного рюкзака, который он всегда таскал с собой, свалился с плеча.

– Мама рассердится, когда узнает, что ты не пошел домой сразу же после школы, – сказала я, а он все смотрел на меня.

– Почему ты ссорилась с Джозефиной? Я думал, что вы друзья.

– Да пошел ты.

– Они тебя обижали?

От его слов все внутри меня взорвалось. Я не хотела отвечать на его вопросы, я хотела, чтобы меня оставили в покое.

– Отвали! – закричала я и убежала.

Когда я пришла домой, в квартире было абсолютно тихо. Никого не было, но я все-таки хлопнула дверью изо всех сил. Очень даже приятный звук. Я рухнула на кровать. Спустя несколько минут пришел Дани. Я уткнулась лицом в подушку, пытаюсь прогнать из тела неприятные ощущения. Стыд от того, что ему пришлось увидеть. Я все время говорила о Джо-

зефине, так что вся семья считала, что мы лучшие подруги. Что после школы мы ходили в парк. Теперь он расскажет всем, что я врала, что все, о чем я рассказывала за ужином, неправда, что у меня вообще нет никаких друзей.

Я долго лежала в ожидании, что Дани постучится ко мне в комнату, но он не приходил, а я проголодалась. На обед была рыба под миндальной крошкой и вареная картошка, так что я съела только сухой хлебец. Наконец я больше не могла терпеть, я встала и пошла на кухню.

Частички пыли сверкали в воздухе в лучах солнца, пробивающихся сквозь окно. Дани сидел за столом и намазывал масло на хлеб. Я ничего не сказала ему, просто подошла к кухонному шкафчику и открыла хлебницу. Там было пусто. Я заглянула в холодильник, но и там почти ничего не было. Только несколько полупустых банок с консервированными овощами, горчица, парочка засохших картофелин и желтый лук.

– Ты взял последний хлеб, – сказала я, не глядя на него. Я ждала, что он скажет мне, что я сама виновата, но вместо этого он подвинул ко мне тарелку.

– Возьми, если хочешь.

От его заботы мне стало еще тяжелее, мне хотелось отказаться, но я слишком проголодалась.

– Спасибо, – пробормотала я. – Могу поделиться.

Я села напротив него и разрежала бутерброд на две одинаковые части, взяла одну из них и начала есть. И вот все было съедено, а живот все так же бурчал от голода. Я посмотрела на часы. До возвращения мамы оставалось не меньше двух часов.

– Лидия? – сказал Дани, но я отвернулась, чтобы показать ему, что не хочу разговаривать. У меня не было сил объяснять ему, что именно произошло возле заброшенного дома, я хотела все забыть, никогда больше не ходить в школу и не встречаться с Терезой и Джозефиной.

Когда я наконец решилась взглянуть на него, то увидела, что он подошел к кухонному шкафу, открыл дверь, достал какао, сахар и овсянку и насыпал все в тарелку. Потом он взял кусочек масла, перемешал ложкой желтую массу и добавил туда масло.

– Вкусно, – сказал он, протягивая мне ложку. На ней остались следы липкой коричневой массы, поблескивающей в свете лампы. Я взяла ложку и кончиком языка облизала ее, чувствуя сладкий вкус какао.

– Пошли играть в «Зельду», – Дани улыбнулся.

Мы сидели на полу перед пузатым телевизором, пытаясь спасти принцессу Зельду. Дани разрешил мне съесть всю шоколадную смесь. Когда мы смеялись, мне становилось легче, я чувствовала, как теплеет на душе. Постепенно тело расслаблялось, и я думала о том, как хорошо, что Дани есть на свете. Хотя меня дико бесило то, что он разбрасывал повсюду свои вещи – грязную одежду, карандаши и пластиковые игрушки, а еще я ненавидела, когда он слушал своего Эминема, а мне надо было делать уроки, я все-таки знала, что никогда не буду одинока. По выходным мы играли в «Секрет Маны» и выпивали несколько литров кока-колы. Иногда Дани ходил к своему лучшему другу Йокке, но тот вечно пропадал на тренировках по хоккею.

Пришли папа и Мила. Они громко спорили о чем-то, я увидела, как Мила бросила свою сумку на пол.

– Ну, как ты не понимаешь, мне ведь обидно! У всех остальных в классе такие есть!

– Мы не можем тратить несколько сотен крон на куртку, это неправильно.

– Почему?

– Потому что у нас нет на это денег. Если ты хочешь купить себе дорогую куртку, накопи на нее. Найди работу. Когда мне было четырнадцать лет, я мыл посуду в ресторане бабушки.

– Ты что, издеваешься? У меня горы уроков, когда мне работать?

Он не ответил, она издала утробный стон, громко топая, ушла в свою комнату и захлопнула за собой дверь. До прошлого года я жила в одной комнате с Дани, но, когда мне испол-

нилось десять, мама решила, что мне лучше жить с Милой. Она терпеть не могла, когда я там находилась, не разрешала мне вешать вещи в шкаф, а то, что я положила на письменный стол, скидывала на мою кровать.

– Ты что, издеваешься? – передразнила я Милу, Дани фыркнул.

Сразу же за ними пришла мама. Она опустила на пол четыре пакета, такие тяжелые, что их пластиковые ручки растянулись и стали прозрачными. Мы закончили игру и пошли на кухню. Папа включил радио и помогал маме убрать в холодильник продукты. Каждый раз, проходя мимо мамы, папа брал ее за руки и вращал словно в танце, а ее волосы развевались от ветра. Я любила смотреть на маму, не могла оторвать от нее взгляд. От ее улыбки любой человек становился счастливым, даже хмурые парни, которые продавали овощи в Мёллане, расцветали, когда она к ним подходила. Они с Милой очень похожи, у них обеих высокие скулы и шелковистая кожа. А вот я выгляжу иначе.

– Отстань от меня, мне нужно приготовить ужин. – Мама игривым жестом отогнала папу.

– Как же я могу от тебя отстать, если ты самая красивая женщина во всем Мальмё?

– Только в Мальмё? – в шутку обиделась мама, и мы с Дани прыснули от смеха.

– Когда я встретил вашу маму, я сразу же понял, что должен на ней жениться. Краше нее во всей Хорватии было не найти, – сказал нам папа, – и тогда я пришел к ее отцу и попросил ее руки.

Мама выложила в кухонную мойку картошку, лук и морковь и закатила глаза.

– Он спросил, как я собираюсь обеспечивать семью, и тогда я отвел его в ресторан дедушки, самый лучший ресторан Загреба. Я сказал ему, что через несколько лет у меня будет ресторан еще лучше. Я рассказал, что работаю там, чтобы накопить денег, а как только смогу, открою свой собственный. И это будет самый лучший ресторан в городе, и что у мамы будет самая фантастическая жизнь.

– И что он ответил? – спросил Дани.

– Он согласился, я сел на велосипед и поехал в магазин швейных принадлежностей, где работала мама, там, среди рулонов ткани и мотков пряжи, я опустился на одно колено. И, конечно, она не могла отказаться от такого предложения.

Мама качала головой, и я не знала почему – то ли папа так смешно рассказывал, то ли на самом деле все было совсем не так.

– И что же случилось с рестораном? – заинтересованно спросил Дани, хотя мы уже слышали эту историю сотни раз.

– Пришла война, мы с вашей мамой решили переехать сюда. Но не волнуйтесь, – сказал папа, вытягивая вверх два пальца в знаке «Виктории», – я ничего не забыл. Как только мы накопим достаточно денег, мы откроем наш ресторан. С самой лучшей и самой вкусной едой с Балканского полуострова – он обречен на успех!

– Ты мог бы для начала потренироваться и готовить еду для нас, – сказала мама, протягивая ему картофелечистку. – Как прошла твоя встреча в банке?

Папа посмотрел на нее и слегка покачал головой, в руке он зажал три картофелины.

– Настоящий повар должен уметь жонглировать овощами, – сказал он, подбрасывая в воздух картофелины и ловя их.

– Так никто не жонглирует, – запротестовала я, папа передал мне две картофелины.

– Ну-ка, покажи, как это делается.

Я попробовала, и на третий раз у меня получилось. Папа и Дани аплодировали, а мама тихонько пихнула меня бедром.

– Если вы хотите, чтобы я приготовила еду, двигайтесь!

– Нам нужна кухня побольше, – сказал отец, – такая, где можно и готовить, и жонглировать.

В дверях появилась Мила. Она прислонилась к косяку и недовольно разглядывала нас.

– Чтобы у нас появилась кухня побольше, нужны деньги, а их у нас как раз нет. Так что мы застряли здесь.

– Мила, – воскликнула мама, – не говори так!

– У нас будут деньги, мне просто нужно найти правильный банк, – сказал папа, подбросил в воздух морковку и ловко поймал ее одной рукой. – Когда мы получим свою первую звезду Мишлен, все эти банковские начальники пожалеют, что отказались инвестировать в нас. Они будут стоять на коленях перед рестораном и умолять, чтобы мы взяли у них деньги.

– Ты никогда не найдешь банк, который согласится нам что-нибудь дать, потому что мы бедные, – продолжала Мила, глядя на папу. – У всех моих друзей родители зарабатывают деньги, чтобы их дети могли развлекаться. Поэтому они ездят на лыжные курорты, покупают себе красивую одежду и новые велосипеды. Я не понимаю, почему вы не можете быть такими же, как они. Почему ты не можешь найти работу получше, папа, чтобы мы переехали из этой чертовой квартиры?

– Когда мой ресторан... – начал папа, но мама перебила его:

– Марш в свою комнату! Сейчас же!

Мила еще немного постояла в дверях, а потом в отчаянии махнула рукой и отвернулась.

– Какие же вы все тупые! – пробормотала она и ушла.

Довольно долго слышалось только шкворчание масла на сковородке, а потом мама посмотрела на нас и улыбнулась.

– Вот так-то быть подростком, – сказала она понимающим тоном. – Человек не справляется со своими чувствами.

Папа тоже улыбнулся, но глаза у него были грустные, хорошее настроение пропало. Я почувствовала пустоту в душе, мне так хотелось, чтобы папа развеселился.

– А можешь еще рассказать про ресторан? – сказала я наконец. – Как он будет выглядеть?

– Вы правда хотите это знать?

– Да, – я закивала, Дани поддержал меня.

Папин взгляд посветлел, он развел руки, словно показывая нам свой будущий ресторан.

– Пятьдесят мест, как в ресторане дедушки Янека. Нет, пожалуй, у нас будет сто мест за круглыми столами с белыми скатертями, – воодушевленно заговорил он. – Мы будем подавать хорватские деликатесы: черный ризотто с мидиями, паштицаду, бродет, фузи и очень много морепродуктов. Люди просто сойдут с ума!

Пока мама готовила вегетарианский гуляш, папа рассказывал нам про разные блюда и рецепты. От его радостного голоса на душе у меня стало теплее, ссора с Терезой и Джозефиной показалась далекой и совсем неважной.

Папа обнял меня, я прижалась к нему. От него пахло потом и табаком, он громко рассмеялся, когда Дани приставил к ушам две моркови и скорчил смешную гримасу. От папиных историй мне стало спокойно, я почувствовала себя в безопасности. Мама, папа, Дани и Мила – мой дом. Мы вместе, пока они у меня есть, все остальные не имеют никакого значения.

Глава 4

Я включаю такую горячую воду, что кожу начинает щипать, а глаза затуманиваются. Час назад папа разбудил меня своим криком. Он часто просыпается в сумерках и не понимает, где находится. Он думает, что он снова в Загребе, что звучит воздушная тревога. Что в дом попала ракета, что нам нужно бежать. Я с трудом успокоила его, и переполненный страхом крик стих.

– Тата, – говорю я, крепко обнимая его. – Все хорошо. Война закончилась.

Он смотрит на меня воспаленными красными глазами, все его тело дрожит. Когда он успокаивается, я веду его мыться в ванную. Потом меняю белье.

Мила не понимает, почему мне пришлось практически отказаться от своей обычной жизни, чтобы ухаживать за папой.

– Он ведь справляется сам, – говорит она, хотя не имеет ни малейшего представления о том, как у него дела. Мила почти никогда не приходит к нам, она слишком занята. Они собираются строить веранду, и это займет всю осень. Она предпочитает встречаться у себя, на вилле в Оксие, родители мужа помогли им купить ее.

Иногда мне кажется, что моя старшая сестра предпочла бы забыть о том, где она выросла. Что она стыдится своего происхождения – ребенок-иммигрант из бедной части Мальмё, – и она просто делает вид, что это неправда. В ней нет ничего, что напоминало бы о ее славянском происхождении. Волосы она высветляла так часто, что не осталось ни одного волоска ее естественного цвета, она вышла замуж за Андерса, самого белого человека на земле, взяла его фамилию, а дома всегда угощает только традиционными шведскими блюдами.

Я вылезаю из душа и думаю, что не буду смотреть на мобильный. Но он просто притягивает меня. Прошло более полутора суток с того момента, как Кристиан Валлин постучал в мою дверь, а с Дани я так и не смогла связаться.

Я одеваюсь, захожу с телефона на самый крупный сайт новостей и сразу же натываюсь на фотографию блондинки. Как я и ожидала, ее пропажа – новость номер один, я внимательно читаю. Линнея Арвидссон, 22 года, бесследно исчезла. В пятницу утром она вышла из дома на лекции в университете Мальмё, с тех пор ее никто не видел. В тот же вечер ее молодой человек Ричард Бофорс объявил ее в розыск. «Линнея не из тех, кто уезжает куда-то, не предупредив. Когда я выяснил, что ее мобильный выключен, я понял, что с ней что-то случилось. Поэтому я прошу всех, кто думает, что видел Линнею, обратиться в полицию. Нам нужна ваша помощь. Любая информация будет очень ценной».

От фразы о ее выключенном телефоне по моей спине бегут мурашки, но это ощущение проходит так же быстро, как и появляется, и я рассматриваю фотографию ее молодого человека. Он стоит перед только что построенным жилым комплексом в Вестра-Хамнен и держит в руках фотографию Линнеи. Выражение его лица – очень серьезное, одет он в темный костюм.

Я думаю о том, как удивительно, что эта фотография сделана всего в полчаса езды отсюда на автобусе. Дом за спиной Ричарда Бофорса сверкает белизной, тротуары чистые, в оконных стеклах отражается море. Я думаю о том, чем он лучше меня, чем он заслужил дом с видом на залив и часы стоимостью в мою годовую зарплату.

Когда раздается стук в дверь, мои волосы все еще закручены в полотенце. Я выхожу в коридор, открываю дверь и натываюсь на требовательный взгляд Кристиана Валлина.

На нем все тот же отлично скроенный пиджак поверх белой рубашки. В этот раз Кристиан сразу же проходит на кухню. Я предлагаю ему кофе и замечая, как он слегка морщит нос, не соглашается. Я наливаю кофе в голубую чашку и ставлю на стол перед ним, не спрашивая, нужно ли ему молоко или сахар. От повисшей между нами тишины у меня в горле образуется комок.

– Спасибо, – говорит он и кивает на обшарпанный табурет.

Я сажусь. Я понимаю, что он пришел сюда, чтобы что-то рассказать, и у меня сжимается живот. Подумать только, а вдруг Дани уже нет в живых, и полиция хочет, чтобы я идентифицировала его тело?

– Вы так и не получили никаких новостей от вашего брата? – спрашивает он.

Я качаю головой и пытаюсь привести мысли в порядок. Почему он спрашивает об этом, если Дани уже умер?

– Нет, – отвечаю я неуверенно. – Он мне не ответил.

– Мы ищем пропавшего человека и подозреваем, что ваш брат может быть замешан в этом деле.

Я не сдерживаюсь, и у меня вырывается стон.

– Как это?

– Я не имею права вдаваться в подробности.

– Что вы имеете в виду? – говорю я. – Вы думаете, что Дани кого-то похитил? Он бы никогда не сделал ничего подобного.

– У нас есть все основания полагать, что ваш брат совершил преступление, – говорит Кристиан Валлин. – Больше я не вправе вам ничего говорить, я просто хотел вас предупредить.

Мой мобильный лежит на столе, и мне в голову приходит неожиданная мысль.

– Речь идет об этой женщине из Вестра-Хамнен?

Он не отвечает, но я вижу, что у него бегают глаза.

– Зачем Дани вмешиваться в ее дела?

Кристиан Валлин откашливается.

– Существует ли какое-то место, куда Дани мог бы поехать, если бы ему понадобилось уехать из Мальмё?

– Нет, я о таком не знаю.

– Есть у вас родственники в других городах Швеции, к которым он мог бы отправиться, или какое-то место, куда вы часто ездите летом? – продолжает он и достает свой потрепанный блокнот.

– Нет, ничего такого у нас нет. Но Дани никогда не причинил бы зла другому человеку.

Я пытаюсь сфокусировать взгляд, но, когда Кристиан Валлин переводит на меня взгляд, по спине пробегают мурашки, я вспоминаю квартиру Дани. Беспорядок в коридоре, пятна крови на стене и два стакана с водой встают перед моими глазами. Неужели Дани действительно напал на Линнею Арвидссон?

– Извините, – бормочу я, подходя к раковине. К горлу подступает тошнота, я поворачиваюсь к Валлину спиной, чтобы он не видел, что мне приходится зажимать рукой рот.

– Нам очень важно знать, если кто-то из семьи выйдет на контакт с Даниелем. Вы понимаете?

Я киваю.

– Я поговорю с вашей сестрой, Милой Ренстрём.

Я не отвечаю, просто смотрю в раковину.

– Остаемся на связи.

Когда он встает, пол под ним трещит, и я слышу, как он проходит в коридор. Я остаюсь возле раковины. У меня нет сил смотреть на него, как только дверь за ним захлопывается, я сползаю на пол.

Почти сразу же я начинаю думать, что зря не протестовала, что я не попыталась убедить Кристиана Валлина в том, что его подозрения против Дани не имеют ничего общего с реальностью. Разве так вообще можно? Разве полиция имеет право обвинять невиновного человека в чем угодно? Затем ко мне приходят другие мысли, те, к которым я не хочу прислушиваться. Почему в квартире Дани все было именно так? Почему он не отвечает на телефон? Ну где-то он должен же быть!

Меня охватывает шок, и я опускаю голову на руки. Я плачу так тихо, как только могу, не хочу, чтобы папа услышал и разволновался.

Сегодня у меня выходной, я собиралась испечь хлеб, но не могу сидеть в квартире. Присутствие Кристиана Валлина все еще ощущается там. Мне кажется, что он меня видит, так что я выхожу на улицу и отправляюсь на поиски Дани. Я объезжаю на велосипеде все места, о которых только могу подумать, спрашиваю о нем в барах и ресторанах, которые ему нравятся, захожу в боулинг-клуб и на баскетбольную площадку. Через некоторое время звонит Мила.

– Привет! Здесь только что была полиция.

– Угу, и что они сказали?

– Что подозревают Дани в совершении преступления и что им нужно с ним связаться. Хорошо, что детей не было дома, не хотелось бы мне объяснять им, что происходит.

Последняя фраза задевает меня. В памяти всплывает картинка этого лета. Мы все вместе сидим за белым столом в саду у Милы. Папа откинулся на стуле и наслаждается солнцем, Эллен и Дани играют в футбол. Макс сидит на плечах у Дани и смеется каждый раз, когда Дани дает Эллен обыграть его и забить гол в маленькие красные ворота. Что бы ни произошло, будет очень непросто объяснить все детям Милы.

– А вдруг с ним что-то случилось? А вдруг он... – Я сглатываю, не в силах закончить предложение.

– Я сказала полиции, что буду сотрудничать с ними на все сто процентов.

– Что? Что ты хочешь сказать?

– Абсолютно очевидно, что Дани сделал какую-то чудовищную глупость, иначе бы он просто так не исчез.

– Откуда ты это знаешь? Возможно, он попал в какую-то неприятность.

– Лидия, – говорит она с напором. Как же я ненавижу, когда она прибегает к этой укоряющей интонации старшей сестры.

– Разве ты не понимаешь, что подобное высказывание о нем делает его еще более виновным? Ведь если в него не верит даже его собственная семья, кто поверит? – говорю я все громче. Какой-то парень на ходунках и с повязкой на одном глазу оборачивается на меня.

– А ты думаешь, я в восторге от того, что все соседи видели, как ко мне приходила полиция? Ты понимаешь, что я чувствую? – вскипает она. – Черт бы его подрал, если он действительно в этом замешан.

Я закрываю глаза и думаю о том, что Мила ничего не понимает.

Ее не было с нами все эти годы, она сбежала. Она сбросила ответственность на меня одну после того, как умерла мама. Она не знала, в каком аду я жила после того, как она предала нас ради другой жизни и стала другим человеком – Милой Ренстрём. Человеком без прошлого, без семьи.

– Я не могу больше говорить, – выдавливаю я.

– Ладно. Позвони мне, если что-нибудь узнаешь.

– Конечно.

– И знаешь что, держись подальше от Дани.

Я кладу трубку и оглядываюсь. Меня окружают многоэтажки. Они стоят тесно, кажется, что их вообще строили одну на другой, они впиваются в серое небо.

Я думаю о том времени, когда заболела мама. Каково было жить с постоянным предчувствием того ужасного, что должно было произойти в любой момент. Словно видеть, как будто в замедленной съемке к тебе приближается автомобиль, но не иметь возможности убежать. И просто ждать, когда он тебя сожмет.

Мне почти удалось забыть это ощущение, но сейчас оно возвращается.

Глава 5

Последний раз мы с мамой разговаривали наедине в один из серых февральских дней. Она лежала в постели в хосписе, в белой одежде, из рук торчали какие-то трубки, и хотя из-за своих ввалившихся щек и коротких волос выглядела она совсем по-другому, это все еще была она.

У нас было время подготовиться. Мама болела больше года, пробовала разные варианты лечения, и почти все это время я думала, что все наладится. Я не могла смириться с мыслью, что она умирает, но в последние недели ей стало резко хуже, и врачи сказали, что они бессильны. Единственное, что нам оставалось, – ждать.

Остальные ушли прогуляться, поскольку мама захотела провести время наедине с каждым из нас. Она жестом подозвала меня и протянула мне руку. Кожа была очень сухой и шероховатой, пальцы холодными. Я попыталась улыбнуться, скрыть свое отчаяние, но слезы выдали меня.

– Не волнуйся, Лидья, – хрипло произнесла она. – Все будет хорошо. Вы справитесь, только заботьтесь друг о друге.

Мама закрыла глаза. Она выглядела ужасно усталой. Я понимала, что ей нужно умереть, что у нее не осталось сил жить, и все же я очень злилась. Я не хотела, чтобы она покидала нас, я хотела попросить ее, чтобы она не сдавалась. Хотела сказать ей, что она должна бороться ради нас. Но я и сама понимала, как эгоистично звучали мои мысли, поэтому промолчала.

– Лидья, – пробормотала она. – *Moja ljubav*, пообещай мне кое-что?

Голос был шершавый, как наждачная бумага, я словно оцарапалась о него.

– Что?

– Оставайтесь семьей. Обещаешь?

Она тяжело дышала. Я кивнула и ответила, что обещаю. Что сделаю все, что в моих силах.

Мама умерла в среду, за ее смертью последовали месяцы молчания. Нам, тем, кто остался, стало очевидно, что именно она была светом нашей семьи. Именно ее сердце заставляло вертеться колесо, ее радость и энергия заражали жизнью всех остальных.

Папа сидел возле телевизора, изредка произнося какие-то слова. Мы с Милой взяли все на себя: уборку, покупки, приготовление еды. Мне так было легче. Мне нравилось, что у меня постоянно полно забот, что у меня конкретные задачи. Купить молоко. Сварить спагетти. Вынести мусор. Чем больше дел у меня было, тем меньше я думала о маме, при этом, занимаясь домашними делами, я чувствовала себя ближе к ней. Я готовила вегетарианский гуляш, и от запаха петрушки и лаврового листа мне казалось, что мама тоже здесь, на кухне, со мной.

На протяжении лета я пыталась справиться с непоправимым. Сухое жаркое солнце шпарило в окна, и мы прятались от внешнего мира за задернутыми жалюзи. Но Мила больше не хотела так жить. Через несколько недель она начала учиться в гимназии на другом конце города и договорилась со своей лучшей подругой Сандрой и ее родителями, что ей лучше переехать к ним, чтобы сократить дорогу. У семьи Свенссон было достаточно места на желтой вилле с гамаком и прудиком для рыбалки, так что им это было совсем не трудно.

Я слышала, как мама Сандры сказала папе вкрадчивым голосом, как говорят взрослые, что для Милы будет лучше отдохнуть от всего произошедшего, и поскольку я вовсе не дурочка, я сразу же поняла, что это значит. Мила хотела отдохнуть от нас. Она хотела вернуться к свету и забыть о горьком вкусе скорби. Я пришла в ярость от того, что моя сестра разбила семью, не думая о том, какие это будет иметь последствия для нас.

Полулежа на кровати, я смотрела, как Мила собирала вещи в темно-зеленую спортивную сумку. Если честно, мне хотелось попросить ее взять меня с собой. Я тоже хотела бы жить в

доме Сандры Свенссон, есть фрикадельки с коричневым соусом на большой кухне, раскачиваться в гамаке и ловить золотистых карпов, шныряющих под водой. Но я не могла найти для этого слов – ее предательство слишком сильно ранило меня.

Мила ничего не замечала. Она напевала себе под нос какую-то мелодию, складывая футболки. Взяв в руки светло-голубую футболку со звездами на груди, она остановилась. Она знала, что эта вещь мне очень нравилась.

– Хочешь, отдам ее тебе? – спросила она.

Я покачала головой:

– Можешь ее забрать.

Я отвернулась к стене и обняла себя руками. Мила вздохнула.

– Шкаф теперь твой, – сказала она, как будто этот факт мог поднять мне настроение. Несколько пустых полок вряд ли могли компенсировать тот факт, что она нас бросала.

– Ладно, мне пора. Пока!

Я не ответила, изо всех сил пытаюсь сдержать набежавшие слезы. Мила ушла в гостиную и попрощалась с Дани и папой. Лишь когда за ней захлопнулась входная дверь, я повернулась и увидела, что она бросила футболку на своей кровати. Голый матрас не оставлял никаких сомнений. Пути назад нет.

Появился Дани, но вместо того чтобы зайти, остановился в дверях комнаты.

– Давай сделаем блинчики и поиграем во что-нибудь?

Я хмыкнула. Я знала – это значит, что мне нужно испечь ему блинчики. Сам он не умел, он даже не знал, как включается плита.

– Нет, – буркнула я.

– Я дам тебе хороший геймпад, – продолжил он, выжидающе глядя на меня. Казалось, он не понимал, что именно сейчас произошло, что нас снова бросили, оставили в нашем заточении. Что с этого момента наша жизнь превратится в сплошное дерьмо.

– Не хочу.

– Ну пожалуйста.

Я слышала, как в гостиной папа открыл пиво, и что-то во мне взорвалось.

– Сам себе пожарь блинчики, я тебе не мать!

Глаза Дани сузились. Ему исполнилось тринадцать, но он все еще носил спортивные брюки на резинке и футболки с надписями World of Warcraft, едва прикрывавшие его круглый живот, и даже не понимал, что это выглядело жалко.

– Исчезни, – сказала я и швырнула в него подушку. – В видеоигры играют только маленькие дети, разве ты не понимаешь?

Он покачал головой и ушел. На мгновение мне стало жаль, что я так поступила, мне захотелось встать и пойти за ним. Но я не могла. Злость настолько переполняла меня, что ни для чего другого места не оставалось.

Мила приехала домой только в конце сентября. Она принесла с собой булочки с корицей, которые испекла вместе с Сандрой и ее младшей сестрой, и без конца болтала о том, как ей нравится в новой школе. Какие интересные у нее учителя, что ученики сами отвечают за свою учебу и готовятся к экзаменам, точно так, как в университете.

Папа пытался слушать ее, но по большей части просто сидел словно тень. Он похудел, руки дрожали, когда он держал чашку с кофе. Он слабо улыбался, когда Мила говорила что-то смешное, но из-за его ввалившихся щек это выглядело даже страшновато.

Милу привезла мама Сандры, которая пошла за покупками, пока Мила проводила время с нами. Ровно через час она позвонила и сказала, что закончила свои дела и ждет Милу внизу. Словно Мила принадлежала ей, словно она разрешила ей навестить нас ненадолго.

Мы попрощались в коридоре. Мила обняла меня и прошептала мне в ухо, что скоро все наладится. Просто подожди, скоро ты пойдешь в гимназию, сказала она, хотя до этого было еще очень далеко.

Когда она ушла, я повернулась к Дани.

– «Моя гимназия просто прекрасная», – пропищала я деланным голосом, но вместо того, чтобы рассмеяться, он ушел в свою комнату, закрыл дверь и включил на полную громкость Rage Against the Machine¹, хотя знал, что я ненавидела эту группу.

Мы уже почти не разговаривали, даже не здоровались друг с другом, встречаясь на кухне или в коридоре. Я не знала, как у Дани дела, потому что мы едва виделись. Встречаясь в школе, мы делали вид, что не видим друг друга, и я признавала, что после смерти мамы стала ему плохой сестрой.

Однажды я увидела Дани в школьном дворе. Какие-то девятиклассники окружили его. Я не слышала, что они говорили, но увидела, как один из них наклонился вперед. Кулаки у него были сжаты, выглядел он очень агрессивно, и Дани бросился на него. Он дрался яростно, бил руками во все стороны и прижимался к телу другого мальчика.

Я была в шоке и не знала, что мне делать. Отчасти мне хотелось рвануть туда, а отчасти я понимала, что не смогу остановить то, что происходило. К тому же я не была уверена, что Дани хотел бы, чтобы я вмешалась. Намного лучше заработать пару синяков, чем быть спасенным старшей сестрой. Я беспокойно смотрела на них, видела, как Дани пропустил несколько ударов и как другие парни сгрудились над ним и схватили его за руки. Они крепко держали его, а я думала о том, почему не вмешиваются учителя. Ведь кто-то должен был видеть, что происходит?!

Дерево загораживало мне вид, и я подошла поближе. Я думала о том, чтобы позвать на помощь, но в этот момент кое-что произошло. Из ниоткуда появился Джексон, и девятиклассники отступили. Теперь я снова видела Дани. Он стоял согнувшись, его лицо было красным. Джексон положил руку ему на шею и что-то сказал, и спустя буквально несколько секунд девятиклассники исчезли.

Я сделала еще один шаг в их сторону и подумала, что мне стоило вмешаться. Я могла бы сказать, что мне нужно поговорить с Дани, вот только он просто усмехнулся бы мне в ответ. Я лишь проводила Джексона взглядом. Хотя он больше не учился в нашей школе, я хорошо знала, кто он такой. О нем ходили слухи. Одним из самых страшных был слух о том, что он нашел своего отца повесившимся в гараже и с тех пор у него было не все в порядке с головой.

Иногда я видела его в Мёллане в компании других парней. Они сидели в пиццерии каждый раз за одним и тем же столом и пили пиво. Однажды его ранили ножом, но вместо того, чтобы упасть и истечь кровью, он выдернул нож из раны и ударил сам. Поговаривали, что он связан с одной из самых страшных банд Мальмё.

Я не знала, правда ли все это. Но я знала, что Джексон из тех людей, от которых нужно держаться подальше, так что, когда он отпустил Дани и вышел со школьного двора, я почувствовала облегчение.

¹ Американская рок-группа, сочетающая элементы металла и хип-хопа.

Глава 6

Как только у меня выдается свободная минутка, я выхожу на поиски. Я хожу по улицам, заглядываю в окна ресторанов и вздрагиваю каждый раз, когда слышу чей-то крик.

Мальмё – живой город, он дышит, его сердце бьется, я всегда чувствовала себя здесь как дома. Я люблю суматоху толпы, дома, запахи еды и звуки. Этот город постоянно в движении, он растет, он развивается, но в то же время это означает, что в нем легко затеряться.

Угол площади Мёллевонг заняли большие серые голуби.словно армия, они продвигаются вперед, выклеывая что-то между брусчаткой, и двигаются только в том случае, если им грозит быть задавленными. На скамье рядом с ними сидят два старика в поношенной одежде, у них длинные грязные волосы. Они громко ссорятся, и когда я прохожу мимо, один из них спрашивает меня, что мне, черт возьми, от них нужно.

Я обхожу прилавки ярмарки с их полосатыми крышами и спотыкаюсь об укатившийся вилочек капусты. Торговля идет полным ходом. Между рядами с медленно прогуливающимися покупателями слышится уютное журчание голосов. Дани рассказывал, что один из его друзей детства иногда продает здесь овощи. Я ищу его взглядом и натываюсь на невзрачную женщину, укутанную в несколько слоев одежды.

– Я ищу Аднана, – говорю я.

Испещренное морщинами лицо сильно накрашено, она оглядывает меня с ног до головы, словно не может решить, стоит ли мне помогать.

– Вон там, – говорит она, помолчав несколько секунд, и кивает на один из стоящих в отдалении прилавков.

Прошло больше десяти лет с того дня, как я видела его в последний раз, но я сразу же узнала Аднана. Он возмужал, отпустил бороду, у него широкие плечи и мощная шея, но вот глаза все те же.

– Баклажаны сегодня очень хороши, и я сделаю вам скидку. – Он улыбается.

– Аднан! Ты меня не узнаешь?

Он сосредотачивается, между бровями залегает морщинка.

– Лидия! – говорит он. – Сестра Дани.

– Да.

– Как у него дела?

– Хорошо, – отвечаю я резковато. – Но если честно, его нет уже несколько дней.

– Уехал? – Он передает пакет с помидорами клиенту.

– Нет. Пропал, – уточняю я.

– Ой, – отвечает он обеспокоенно.

– Как я понимаю, ты его не видел?

– Да, мы не встречались уже несколько лет.

Хотя шанс, что Аднан может что-то знать, был невелик, я все же расстраиваюсь.

– Аднан, – говорю я, подходя поближе. – Ты не знаешь, где мне найти Джексона?

Аднан достает нож, обрезает пустую картонную коробку и выбрасывает ее.

– Он опасный человек, – говорит он. – Держись от него подальше.

– Я знаю, но с Дани что-то случилось, и мне нужно попытаться его найти. Пожалуйста... – прошу я.

Он смотрит на меня долгим взглядом и качает головой.

– Он живет в доме за промышленной зоной. Ну, той, знаешь, у автомойки.

Я киваю, я знаю, о чем он говорит. Именно туда люди ходят по ночам на разборки.

Аднан не хочет давать мне адрес, но все-таки дает.

– Будь осторожна, – предупреждает он.

– Обязательно.

Он выходит из-за прилавка и протягивает мне коричневый бумажный пакет.

– Это французское яблоко, оно называется «Жюли». Прекрасный баланс кислоты и сладости.

– Большое спасибо. – Я тянусь за кошельком, но он машет рукой:

– Угощаю. Надеюсь, ты найдешь брата.

Мой пульс подскакивает, я чувствую, что потею.

– Спасибо. Я тоже на это надеюсь.

Глава 7

Наступило первое Рождество без мамы. Наступило и прошло. Мила по-прежнему жила у Свенссонов. Она говорила, что ей там нравится, что она останется у них до тех пор, пока не окончит гимназию. У нее появился парень по имени Андерс, но нас она с ним не познакомила, думаю, она нас стыдилась.

Не знаю, когда именно все это началось, но однажды я обнаружила, что Дани днем не возвращается домой. Раньше, придя из школы, я всегда заставляла его за видеоиграми в гостиной, но теперь его комната была пуста, я решила, что он гуляет со своим лучшим другом Йокке.

В квартире я видела только папу. Он почти не выходил из дома, все время сидел перед телевизором и пил пиво. Шторы были задернуты, сигаретный дым плотной пеленой окружал его, приходилось щуриться, чтобы что-нибудь разглядеть.

Мы с Дани по-прежнему не разговаривали друг с другом. Иногда я спрашивала, как у него дела, но в ответ он лишь пожимал плечами. Он начал ходить в тренажерный зал и постоянно носил с собой спортивную сумку. Я не знала, в какой именно зал он ходил и откуда брал деньги на его оплату. В ту зиму он очень вырос, стал выше и сильнее. У него изменился голос, в чертах лица появилась жесткость, он стал иначе одеваться.

В феврале мне исполнилось пятнадцать. Я сказала папе, что единственный подарок, который я хочу получить, – ботинки Dr. Martens, я видела их в обувном магазине в торговом центре «Мобилия».

В день своего рождения я проснулась с ощущением беспокойства в теле. Я боялась, что папа забыл, какой сегодня день, что он расстроится, когда осознает свою ошибку. Но он ничего не забыл, он сидел на кухне и ждал меня. На столе стоял торт, он сделал его из готовых коржей, воздушных сливок и варенья. Была даже свечка.

– Поздравляю с днем рождения, *moj sreca*². Мама очень гордилась бы тобой, – сказал он, улыбаясь, но глаза оставались совсем пустыми.

Дани тоже зашел на кухню и пробормотал поздравление. На моем стуле лежал пакет, завернутый в подарочную бумагу из магазина Иса. Я медленно развернула его и достала блокнот с лошадами, в комплект к нему шли карандаш и ластик. Я попыталась скрыть свое разочарование и поблагодарила папу за подарок.

– Я подумал, что это может пригодиться тебе для учебы, – сказал он.

– Да, конечно, – я кивнула. – Прекрасно.

В школе мне спели песенку в честь дня рождения, в остальном я была, как обычно, невидимкой. Несмотря на пронизывающий ледяной ветер, я вместе с другими вышла на улицу и еще в коридоре увидела, что Джексон вместе с каким-то парнем направляются в сторону школы. У обоих поверх бейсболок были натянуты капюшоны, руки были засунуты глубоко в карманы. Дани встретил их у забора. Он теперь выглядел так же, как и они, носил такую же толстовку с капюшоном и черные штаны с белыми лампасами. Джексон протянул руку сквозь прутья решетки, они поздоровались, поговорили несколько минут, а потом разошлись. Дани вернулся в школу. Меня очень беспокоило, что он подружился с таким типом, как Джексон, но ничего поделать с этим я была не в силах. Он бы все равно меня не послушал.

Когда я вернулась домой, на моей кровати стоял коричневый бумажный пакет. Я открыла его, и мое сердце подпрыгнуло от вида черных ботинок, о которых я так долго мечтала. Я не могла поверить своим глазам, я вытащила ботинки, ощупывая пальцами черную гладкую кожу, чувствуя, как ходит оранжево-желтая молния. Я бросилась к папе, сидящему у телевизора.

– Спасибо! Спасибо огромное! – кричала я, прижимая к груди ботинки.

² Моя удача (*хорв.*).

Он непонимающе смотрел на меня.

– За ботинки! – уточнила я.

– Это от меня, – услышала я голос Дани. Он стоял в коридоре и кивал мне. – Размер подошел?

Я смотрела на него, не зная, что и сказать. Наконец я взяла себя в руки.

– Спасибо, но откуда у тебя деньги?

– Я нашел работу, – сказал он и улыбнулся.

Кресло скрипнуло, когда папа встал.

– Какие красивые, – сказал он. – Ты купил их для Лидии?

– Да.

– Но они ведь стоят больше тысячи! – удивилась я.

– Откуда у тебя столько денег? – спросил папа.

– Какое это имеет значение? – сказал Дани, пожимая плечами.

Папа помрачнел и шагнул вперед.

– Ты их украл?

– Отстань!

– Отвечай! – зарычал папа, его голос стал совсем другим. – Ты украл эти ботинки?

Дани не отреагировал, и папа дал ему пощечину. Звук встретившейся со щекой ладони отразился от стен, и на мгновение стало совсем тихо. Секунды медленно текли друг за другом, вязкие, словно сахарный сироп. Потом папа начал раскачиваться из стороны в сторону, перебирать пальцы на руках и бормотать:

– Мои дети не будут красть!

Дани рефлекторно замахнулся, чтобы ударить в ответ, но сдержался. Вместо этого он достал из кармана мятый чек и бросил его на пол.

– На, подавись! – сказал он и вышел из квартиры.

Я подняла чек и увидела, что он из обувного магазина в «Мобилии».

Медленно, на ощупь, словно слепое животное, папа вернулся в кресло в гостиной и рухнул в него, закрыв лицо руками. Я не знала, плачет ли он, слышалось лишь слабое покусывание.

– Мои дети не будут красть! – повторял он до тех пор, пока его голос не заглушил звук работающего телевизора.

Я поставила ботинки на пол и посмотрела на чек. Мне было так страшно, что я едва могла дышать. Дани заплатил за ботинки наличными, и отчасти я была очень тронута тем, что он сделал это ради меня. Что он посмотрел на мой размер обуви, сходил в торговый центр «Мобилия» и купил именно то, о чем я мечтала. И все же мне бы хотелось, чтобы этого не было. Не нужно было ничего говорить, не нужно было ничего хотеть. Потому что единственное, о чем я тогда могла думать, единственное, что занимало мои мысли, – тысяча двести крон. На что же пришлось пойти Дани, чтобы раздобыть такие деньги?

Глава 8

Я иду на север мимо кладбища Святого Павла, мимо предприятий, окруженных забором с колючей проволокой. Прохожу пустынные парковки, беспорядочно понатыканные бетонные здания с наглухо забытыми окнами, самодельную площадку для скейтборда из сломанных досок и старых автомобильных шин. Сложно представить себе, что всего в паре километров отсюда совсем другой Мальмё: виллы с видом на море и бассейнами с морской водой, магазины модных дизайнеров и эксклюзивных ювелиров, роскошные рестораны и новостройки с квартирами ценой в несколько миллионов крон.

По дороге я встречаю женщину в цветастой одежде и панаме, она везет дребезжащую магазинную тележку, набитую каким-то хламом. Одно из колес тележки вращается в другую сторону и издает высокий пронзительный скрип. Под мышкой она зажимает пожелтевший вентилятор, провод от которого волочится по земле. От нее так ужасно пахнет, что мне приходится отвернуться.

Тот факт, что Джексон живет здесь, меня настораживает. Еще десять лет назад он был без тормозов, и я всегда представляла себе, что он сядет в тюрьму на пожизненный срок. Но на табличке с именами жильцов желтого восьмизэтажного дома действительно написано его имя.

Я поднимаюсь по лестнице, чувствуя, как колотится сердце. Возможно, это бредовая идея, но другого варианта у меня просто нет. Если Дани влип во что-то, вероятность того, что в этом замешан Джексон, очень велика.

Снаружи квартира похожа на все остальные. Внутри слышатся глубокие стучащие басы. Я собираюсь с силами и звоню в дверь. На другой стороне лестничной клетки открывается дверь, и оттуда выглядывает парень со светлыми волосами до плеч и голым торсом. Видно, что он только что проснулся.

– Его нет дома.

– Я слышу музыку, – говорю я и звоню еще раз.

Парень закатывает глаза и закрывает дверь. Я решаю постучать, и наконец за дверью что-то происходит. Поворачивается замок, дверь открывается, но цепочка остается накинута. Тому, кто открыл мне дверь, на вид не больше пятнадцати, я думаю, что ему следовало бы сейчас быть в школе.

– Что надо?

– Я ищу Джексона.

Доносящаяся из квартиры музыка заглушает мои слова. Парень качает головой и гримасничает. Блестящий красный шрам идет от уголка рта до внешнего края глаза, тяжелые веки не вяжутся с его детским лицом.

– Что ты сказала?

– Мне нужно поговорить с Джексон! – кричу я.

Он закрывает дверь, я инстинктивно тянусь за дверной ручкой, но слишком поздно. Я разочарованно оглядываюсь, подумывая о том, не позвонить ли в дверь разбуженному парню и спросить его, не знает ли он, как мне найти Джексона. Но вдруг слышится звук снимаемой цепочки, дверь распахивается.

– Заходи, – говорит парень.

В квартире темно, все окна зашторены, и как только парень закрывает за мной дверь, становится совсем неприятно. Одинокaя лампочка слабо освещает загроможденный коридор, музыка гремит так громко, что сложно расслышать даже собственные мысли.

Парень поднимает пакет с яблоками и подталкивает меня к одной из дальних комнат. Там я вижу Джексона, который наклонился над низким журнальным столиком. От того, как он

двигается, меня захлестывает адреналин, моя первая реакция – бежать, но я не успеваю этого сделать, он оборачивается и смотрит на меня.

Джексон все тот же, но он ужасно постарел. Такая же бритая голова, такая же одежда: стильная рубашка с закатанными рукавами, тяжелая золотая цепь, джинсы, свисающие с худых бедер, но вот лицо серое и морщинистое.

Он изучает меня взглядом и широко улыбается, потом делает пару шагов в мою сторону и протягивает мне наполовину скрученную сигарету. На пальцах пятна никотина, дым колечками поднимается к потолку.

– Спасибо, не надо, – говорю я и качаю головой. – Я пришла, потому что ищу одного человека.

Он снова улыбается, глубоко затягивается и говорит тягучим голосом:

– Ты знаешь, что коренное население Африки верит в то, что, когда человек курит табак, его мысли улетают напрямую к богам?

Я думаю о том, что он-то курит совсем не табак, но молчу.

– Ты помнишь моего брата Дани? – спрашиваю я. – Он тоже ходил в школу Софиелюнде.

– Дани, – он кашляет. – Конечно, я помню Дани.

Он делает жест в сторону парня – тот тут же исчезает – и кладет руку мне на талию. Прижимает меня к себе и выдыхает дым мне в лицо.

– Дани пропал, – продолжаю я. – Я бы хотела узнать, не знаешь ли ты что-нибудь об этом.

– Разве он не сидит?

– Это было давно.

– Да, я вспомнил. Побои, да? Какой-то любопытный придурок подставил свой нос и попался Дани под руку – бэнг! – сказал он, ударяя кулаком в воздух. – Долго он сидел?

– Колония для несовершеннолетних, – отвечаю я.

– Хорошо. Точно ничего не хочешь? – Он показывает на столик, где лежит пакетик с белыми таблетками. – Угощаю.

– Нет, мне нужно найти брата. Полиция тоже его ищет. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Он выглядит обиженным, отталкивает меня в сторону и морщит нос.

– Ты меня в чем-то обвиняешь? – бормочет он.

– Я думаю, что у тебя может быть какая-то информация. Они считают, что он кого-то похитил.

– Я таким не занимаюсь, – раздраженно отвечает он и поправляет толстую цепочку на шее. – Что ты вообще обо мне знаешь?

На книжной полке за его спиной лежит сумка «Луи Виттон», под ней я вижу что-то очень напоминающее пистолет. Наши взгляды встречаются, он кладет руку на сумку.

– Мне не нравится, что ты приходишь сюда и обвиняешь меня во всяком дерьме, – говорит он внезапно прорезавшимся голосом.

Я отступаю назад.

– Я не имела в виду ничего такого. Я просто волнуюсь о Дани.

– Во что там вляпался твой брат – не моя проблема, – продолжает он возбужденно, размахивая руками. Его предплечья испещрены сетью пульсирующих вен, под кожей проступают сосуды.

Я прижимаю к груди бумажный пакет. Сердце бьется так сильно, что отдается в висках. Успею ли я убежать, если он достанет пистолет?

– Конечно нет.

Я не отвожу взгляда от его руки и спрашиваю саму себя, что я вообще здесь делаю. Зачем я сюда пришла? Неужели я правда думала, что Джексон мне поможет? И тут что-то происходит, из угла дивана слышится странное бормотание. Мы оба поворачиваемся, и в темноте я замечаю, как что-то движется.

Джексон явно удивлен, но через несколько секунд он подходит к дивану и сдергивает темное покрывало. Под ним лежит светловолосая девушка, волосы собраны в хвост, на ней белый бюстгальтер и короткие джинсовые шорты. Она дергается и кашляет открытым ртом.

– Детка, – говорит Джексон. – Как ты?

– Черт, – говорит она и хрипло хихикает: – Что. За. Дрянь.

Она пытается встать, но сразу же падает обратно на диван, продолжая хихикать.

Я решаю воспользоваться шансом и иду к двери, но Джексон догоняет меня. Теперь он выглядит не таким наглым и смотрит на меня грустными глазами.

– Очень жаль твоего брата, но если он сбежал, то на это есть причина. Он не хотел, чтобы ты вмешивалась в это.

– Вмешивалась во что?

Он теребит свою золотую цепочку.

– Ладно, – говорит он наконец. – Несколько недель назад Дани звонил мне.

– Что? Зачем?

– Он хотел купить пистолет. Но с тех пор я больше ничего от него не слышал.

Меня шатает, я чуть не падаю, зацепившись за край ковра. Я не могу поверить в то, что только что услышала. Дани спрашивал у Джексона, где купить оружие!

– Клянусь жизнью, это все, что я знаю, – говорит Джексон и крестом складывает руки на груди.

Я пытаюсь открыть дверь. Вообще-то мне стоило бы задать еще несколько вопросов, но сейчас я больше всего хочу поскорее убраться отсюда.

– Верю, – отвечаю я. – Если узнаешь еще что-нибудь, найди меня на «Фейсбуке». Лидия Симович.

Открыв дверь, я бросаюсь вниз по лестнице. Внизу я сталкиваюсь с двумя молоденькими девушками, они держатся за руки. Несмотря на то что сегодня среда, они празднично одеты, на веках сверкающие тени, они спешат в квартиру Джексона. Одна из них немного похожа на Линнею Арвидссон, и я понимаю, что почти ничего не знаю об этой женщине. Откуда полиции известно, что она не валяется без чувств на диване в какой-нибудь темной квартире? Но тут я вспоминаю про пистолет, который Дани хотел купить, и мой мир рушится снова.

Небо снаружи приобрело пепельно-серый оттенок, холодный ветер задувает мне под куртку. Я пытаюсь отыскать логическое объяснение тому, что Дани захотел купить оружие. Ему кто-то угрожал? Он кого-то боялся? Может быть, он сейчас прячется от этих людей? Но тогда почему он не обратился в полицию? Может ли произошедшее быть как-то связано с тем, что Джексон торгует наркотиками? Может быть, Джексон мне наврал и Дани вмешался во что-то, что напрямую связано с исчезновением Линнеи Арвидссон? Гигантская волна отчаяния накрывает меня и проникает в каждую клеточку моего тела.

По дороге домой я вижу, как в высотках вокруг меня загорается свет. Желтый свет пробуждается и распространяет теплое мерцание вокруг себя. Я думаю о людях, которые живут в этих домах, о семьях, которые сейчас собираются за ужином. О том чувстве безопасности, которое они сейчас ощущают в своих сердцах. У них есть свое место в этом мире, их корни растут из основания, наполненного любовью и близостью. Все это было и у нас, пока какие-то сбившиеся со своей программы клетки не перевернули нашу жизнь с ног на голову.

Учитывая все произошедшее, возможно, не так уж и удивительно, что Дани сбился с пути. Только никто не знает, что все это – моя вина.

Глава 9

Я причесала папу и напостила ему завязать галстук. Проверила, что на нем чистая рубашка, что кухонный стол насухо вытерт. Печенье ровными рядами лежало на подносе, чашки стояли правильно – ручками в одну и ту же сторону.

– Попробуй улыбнуться, – сказала я и посмотрела на часы. Дани обещал быть дома к пяти, но сейчас уже десять минут шестого, а его все не было.

Улла-Бритт пахла цветочным парфюмом, а блузка обтягивала большую грудь. Она повесила пальто на вешалку в коридоре, дружелюбно улыбнулась и поправила красиво уложенные кудри.

Обледеневшие улицы за окном освещались слабым зимним солнцем, ветви деревьев сверкали от инея. Мы сели на кухне, и я изо всех сил старалась сдерживать свои эмоции. Дани так и не пришел. Черт бы его побрал!

Улла-Бритт рассказала, что директор школы, в которую ходил Дани, написал им заявление, и она пришла проверить, все ли у нас в порядке.

Папа разливал кофе, который я сварила, но его рука дрожала, поэтому он пролил немного на стол. Улла-Бритт помогла ему с кофейником, а я вытерла пятна бумажным полотенцем.

– Где же Даниэль? – спросила она, кивнув на пустой стул.

– Скоро придет, – заверила ее я.

– Хорошо, тогда пока давайте поговорим, – сказала она. – Ты в восьмом классе, Лидия?

– Да.

– И как тебе учеба?

– Хорошо, – ответила я. – Очень интересно.

– Какой предмет тебе нравится больше всего?

Я задумалась, мне не хотелось говорить что-то, что могло прозвучать неискренне.

– Шведский и биология. И, конечно, рисование.

– Ты любишь рисовать?

Я под столом взяла папу за руку, он очнулся и кивнул на рисунок на стене, который я сама туда повесила. Это рисунок леса, выполненный карандашом.

– Лидия очень талантливая девочка, – сказал он. – Это ее работа.

– Какая красота! А Даниэль тоже любит рисовать?

– Нет, он предпочитает играть в футбол. Он классный полузащитник, – сказала я улыбаясь. – Каждый день после школы у него тренировка, именно там он сейчас и задерживается. Когда он выходит на поле со своими друзьями, забывает обо всем на свете, – сказала я, хотя Дани не играл в футбол уже несколько лет.

– Как здорово, – сказала Улла-Бритт и посмотрела на папу: – Я знаю, что вам пришлось нелегко после смерти вашей жены.

– Да, – пробормотал папа, опуская взгляд.

– А как ты справляешься, Лидия?

– Мне трудно. Но я рада, что у меня есть моя семья. – Я сжала папину руку, и в этот раз он ответил на мое пожатие.

Улла-Бритт какое-то время рассматривала нас, а потом сменила позу, опустив руки на край стола.

– Как я уже сказала, школа направила нам заявление. Последний год Даниэль часто прогуливал уроки, несколько раз они вызывали вас в школу, но вы ни разу не пришли, – обратилась она к папе.

Стало тихо, я ждала, что он ответит ей. Разве он не понимал, что сейчас обязательно нужно было ответить? Он должен был объяснить ей все, иначе Улла-Бритт отобрала бы у нас Дани, как семейка Свенссонов отобрала Милу.

– Простите, – сказал папа, откашливаясь. – Виноват. С тех пор, как умерла их мать, я... мне очень трудно.

– Но сейчас уже гораздо лучше, – вмешалась я.

– Да, – сказал отец, улыбаясь мне. – Сейчас гораздо лучше. Я прохожу обучение для работы, а еще хожу на беседы с одним человеком.

Последнее было неправдой, по крайней мере я в это не верила. Я знала, что папе советовали поговорить с кем-нибудь, когда умерла мама, но он отказался.

– Дани тоже пришлось нелегко, – продолжил папа. – Он сильно горюет, ему трудно сосредоточиться на уроках. Но постепенно все наладится, я обещаю.

– Конечно, мы понимаем, что вам всем пришлось тяжело. Но для ребенка очень важно ощущать стабильность в повседневной жизни, – сказала Улла-Бритт.

– Разумеется, – ответил папа. – Я поговорю и с Дани, и со школой.

– Как зовут его друзей, с которыми он играет в футбол? – спросила меня Улла-Бритт, я сделала вид, что задумалась.

– Алекс и Маркус, кажется, так их зовут. Еще он проводит много времени со своим лучшим другом Йокке. Его отец врач, – быстро сказала я.

Улла-Бритт посмотрела на папу, тот кивнул.

– Вы не замечали, что он поздно приходит домой или общается с неподобающими личностями?

– Нет.

– А у него нет проблем с наркотиками?

– У Дани? – перебила я. – Единственное, о чем он думает, – это тренировки по футболу, ведь он хочет стать профессиональным футболистом.

– Мы очень хотим вам помочь, – продолжила Улла-Бритт. – У меня с собой есть брошюра, в ней информация о том, как именно мы можем вас поддержать.

– Спасибо, – сказал папа и пододвинул к ней тарелку с печеньем. – Хотите печенье?

Мы показали Улле-Бритт нашу вылизанную квартиру. Я пропылесосила, поменяла постельное белье, избавилась от сигаретного дыма, сдала все папины банки из-под пива в супермаркет «Соор», и впервые за долгое время квартира казалась уютной.

К холодильнику мы прикрепили магнитами два моих лучших результата экзаменов. «Очень хорошо» было написано на них большими буквами, Улла-Бритт одобрительно кивнула.

– Итак, – сказала она, пожимая руку папе, – спасибо, что разрешили мне прийти. Я рассчитываю на то, что вы свяжетесь со школой, чтобы они разработали план, по которому Дани сможет догнать класс.

– Разумеется.

– Хорошо. Жаль, что мне не удалось с ним познакомиться, надеюсь, в следующий раз это произойдет. Если у вас будут какие-нибудь вопросы, просто свяжитесь со мной.

Когда она ушла, мои плечи наконец расслабились, я почувствовала облегчение.

– Зачем ты сказала ей про футбол? – спросил папа, расстегивая галстук.

– Я подумала, что так будет лучше.

– Я и не знал, что он так часто прогуливает школу. Ты могла бы провожать его, чтобы убедиться, что он туда зашел?

– Конечно, – сказала я и подумала, что папа не имеет ни малейшего понятия о том, чем занят Дани. В то же время я прекрасно понимала, что так будет лучше для всех. Правда убила бы его, а я не хотела потерять еще и отца.

Зашипело пиво в банке, которую он открыл и залил в себя прямо так, стоя в коридоре, а потом исчез в гостиной. Я осталась на кухне. Я смотрела на аккуратно уложенное печенье и думала о том, что теперь они на какое-то время оставят нас в покое.

Ночью я проснулась от странного звука. Свистели трубы, и мне показалось, что кто-то плачет. Я встала с постели, вышла сонная в коридор и увидела, что дверь в ванную приоткрыта, там горел свет.

Дани стоял, наклонившись над раковиной, и тер что-то руками. Я увидела его лицо в зеркале.

– Что ты делаешь? – спросила я.

Он вздрогнул и посмотрел на меня в отражении зеркала.

– Ты должен быть вернуться домой в пять часов, приходила эта дамочка из соцслужбы. Мне пришлось соврать ради тебя.

Он ничего не ответил, и я подошла поближе. Его куртка лежала в раковине, вода вокруг нее была светло-розовой.

– Что случилось?

Он покачал головой, продолжая намыливать куртку. Его пальцы полностью покрывала пена, а на внешней части руки я заметила красную полосу.

– Дани, скажи мне, что случилось?

– Ничего, – пробормотал он сбивающимся голосом.

– Все хорошо, – продолжила я, опуская руку на его плечо. – Ты можешь мне довериться, я никому не скажу.

Он замер, отпустил куртку и выключил воду.

– У меня просто был очень плохой вечер, – он сел на унитаз и опустил голову. Нижняя губа отвисла, как тогда, когда он был малышом.

– Это кровь? – спросила я.

Он пристыженно взглянул на меня и кивнул.

– Как думаешь, она отстирается?

Я подняла куртку и внимательно ее осмотрела, никаких темных пятен я не увидела.

– Думаю, да. А откуда эта кровь?

– Я подрался. На нас напали.

– Кто-то пострадал?

– Я всего лишь защищался, – сказал он и посмотрел на меня пустыми глазами.

– Вот как.

– Серьезно, Лидия. Я не виноват.

Комната поплыла у меня перед глазами. Я не знала, что ему ответить.

– Нам нужно кому-то позвонить? В полицию?

– Нет, – взорвался он. – Я ведь говорю тебе, что это не я! – Он заплакал, закрыв лицо руками. – Пожалуйста, поверь мне. Не говори никому об этом.

– Хорошо, звонить не будем. Но я должна знать, что происходит. Тебя почти никогда нет дома, тетенька из соцслужбы сказала, что ты прогуливаешь школу. Где ты пропадаешь целыми днями?

Он сжался в комок на унитазе.

– Я не хотел, чтобы все так вышло, – пробормотал он.

– А ты не можешь просто перестать с ними встречаться?

– Не получится. Они мои друзья.

– Плохие друзья, – проворчала я.

– Ты ничего не понимаешь! Других у меня нет!

– А Йокке?

Дани покачал головой.

– К тому же я кое-что знаю, поэтому покончить со всем этим не выйдет.

– Ты учишься в седьмом классе, – сказала я. – Тебе просто надо взяться за ум, ходить в школу и держаться подальше от Джексона. Я помогу тебе с учебой, если тебе будет трудно.

– Извини, – сказал он, поднимая на меня глаза, его щеки были мокрыми от слез. – Я такой дурак.

– Нет, это неправда.

Я достала чистое полотенце и вытерла Дани руки.

– Ты не ранен?

– Нет, но у меня очень болит голова.

– Хорошо, тогда сделаем так. Иди ложись спать, если тебе утром будет плохо, я скажу, что ты заболел. А потом, когда я вернусь из школы, мы сядем и прочитаем письмо от твоего классного руководителя. Я помогу тебе, – добавила я, когда он застонал в ответ.

– Ладно, – пробормотал он. – Спасибо, сестричка.

Дани ушел, а я положила куртку в стиральную машину, вытерла раковину и погасила свет. Проходя мимо комнаты Дани, я увидела, что он держит что-то в руке. Это была темная футболка, он свернул ее в клубок и засунул в дальний угол шкафа.

Я забралась обратно под одеяло. Во мне бродили разные чувства. Мне хотелось помочь брату, но ведь кровь на куртке не могла появиться из ниоткуда. Может быть, мне стоило рассказать об этом кому-нибудь взрослому? Но кому? Папа бы никогда не справился с таким, к тому же я обещала Дани не ябедничать. А если бы Улла-Бритт узнала о том, что я только что видела, она бы примчалась сюда за пять секунд. Нет, пожалуй, лучше будет справиться со всем этим самим.

Я повернулась к стене. Никогда раньше я не видела Дани таким подавленным, и я надеялась, что все произошедшее заставит его задуматься. Ему нельзя больше общаться с Джексоном, ему нужно навести порядок в своей жизни. Нужно напрячься и решить вопросы в школе, поднять свою успеваемость. Как только он наведет порядок в учебе, все остальное тоже наладится.

Я подумала о том, что сказала мама. О том, что мы справимся, если будем заботиться друг о друге. Теперь я понимала, что она имела в виду. Нам нужно было держаться вместе, но вместо того, чтобы оставаться семьей, мы все разделились. Мы блуждали во мраке, но было еще не поздно. Мы еще могли найти друг друга.

Я натянула одеяло до самого подбородка, устроилась поудобнее на свежей простыне. Завтра мы с Дани составим план. Мы вместе пройдем весь материал, который он пропустил. Но он должен будет пообещать мне, что перестанет общаться с Джексоном. Я знала, что они были друзьями, но Дани ведь всего тринадцать. Он еще мог освободиться. А я ему помогу, я обещала маме.

Глава 10

Код двери подъезда все тот же. Я надеюсь, что никто не видит, как я просачиваюсь внутрь. Достая ключ и вставляю его в знакомый замок. Я знаю, что так поступать неправильно, но выбора у меня сейчас нет. У Мики есть кое-что, что мне нужно.

В квартире темно. Ни одна даже самая крохотная лампочка в коридоре не горит, но в желтом свете уличного фонаря я вижу на столе в гостиной бумажник и понимаю, что Мики уже лег спать.

Я думаю о том, как он разозлится на меня за то, что я сейчас делаю – проникаю в квартиру поздно ночью. «Именно такие ситуации приводят к несчастным случаям» – так он скажет. Из-за такого люди иногда умирают. И он абсолютно прав. Если он убьет меня, я сама буду виновата.

Я на цыпочках прохожу по коридору к двери в спальню. Кладу руку на белый дверной косяк и прислушиваюсь, пытаюсь уловить его дыхание, однако я ничего не слышу.

Я вспоминаю нашу последнюю серьезную ссору, в которой он обвинял меня в бесчувственности. В том, что я всегда ставлю семью на первое место, что я больше забочусь о них, а не о нем.

Я медленно нажимаю на дверную ручку и приоткрываю дверь. Петли скрипят, я замираю. Я стою на пороге комнаты, пытаюсь привыкнуть к темноте, но по-прежнему ничего не вижу. Он где-то там, я это чувствую.

Кожа вибрирует, я задерживаю дыхание. Я прищуриваюсь и вижу, как контуры кровати проступают во мраке. Наконец я могу различить его. Он лежит на спине без футболки, одеяло натянуто до талии. Я удивляюсь своим чувствам – увидев его, я испытываю облегчение и даже радость, мне приятно видеть, что он один.

Я делаю несколько шагов, я отлично знаю, куда нужно наступать, чтобы не скрипнула половица. Я слышу его голос внутри себя: Лидия, ничего не выйдет. Так не может продолжаться.

Я вижу его и начинаю тосковать по нему. Я пытаюсь сдержаться, но у меня ничего не выходит. Мне нужно его тепло, его близость.

Я осторожно забираюсь в постель. Кладу руку ему на грудь. Мои пальцы дрожат, когда я ласкаю его кожу, я наклоняюсь ближе. Чувствую такой привычный запах пота и одеколона.

Он просыпается и сонно моргает.

– Лидия?

Я киваю и провожу пальцами по его животу. Слышу, как он стонет, когда я останавливаюсь под его кальсонами.

– Что ты делаешь?

Я не отвечаю, чувствую, какой он твердый, и расстегиваю брюки. Я сажусь на него верхом, упираюсь руками в его бедра и позволяю ему войти в меня. Лишь на мгновение он смотрит на меня, словно я дикий зверь, которого стоит сторониться.

– Черт возьми, Лидия! – говорит он после, протягивая мне сигарету. – Именно такие ситуации приводят к несчастным случаям. А что, если бы я не понял, что это ты, и решил, что это грабитель.

– Не думаю, что грабитель вел бы себя именно так. – Я улыбаюсь, глубоко затягиваясь.

Мики выдыхает дым.

– Не то чтобы я не был рад тебя видеть, но ведь мы договорились сделать паузу.

– Это ты так захотел.

– Да, потому что ты относишься к нашим отношениям несерьезно. Ты даже не захотела переехать ко мне.

– Ты ведь знаешь, что папе нужна моя помощь, – говорю я, стряхивая пепел в кофейную чашку у кровати.

– Сколько ему? Шестьдесят два? С точки зрения статистики он проживет еще лет двадцать. Ты собираешься ждать так долго?

– Я не знаю.

Он забирает у меня сигарету.

– Не понимаю, почему он не может переехать в дом престарелых. Ведь ему это нужно, не так ли?

Я смотрю на него, хочу еще раз объяснить ему, что это невозможно. Папа не сможет жить в доме престарелых, он там зачахнет. Кто-то должен о нем заботиться, кто-то должен следить за тем, чтобы семья держалась вместе. Что мы не бросим друг друга. Это мой долг, но Мики этого не понять. Он родом из такого мира, где семья – это что-то само собой разумеющееся, так что дискуссия не имеет смысла. Мы никогда не сможем договориться, а сейчас он мне нужен.

– Ты прав, – отвечаю я. – Нам нужно больше времени проводить вместе.

– Отлично.

Огонек сигареты освещает его лицо, я вижу, что растения на комодке завяли.

– Знаешь что, – говорю я. – Мне нужна твоя помощь.

– Почему я не удивлен! – вздыхает он, выдыхая целый туннель дыма, воспаряющий к потолку.

– Ты знаешь полицейского по имени Кристиан Валлин?

– Да, криминальный отдел.

Я слышу раздражение в его голосе и пытаюсь собраться.

– С Дани что-то случилось. Он пропал с прошлой недели.

– И при чем тут Кристиан Валлин?

Я сглатываю и пытаюсь проглотить страх, накатывающий мне на грудь.

– Я думаю, он подозревает, что Дани что-то сделал с этой девушкой из Вестра-Хамнен.

– Линнеей Арвидссон? Черт, плохо дело.

– Нет, полиция ошибается. Дани никогда бы не причинил никому зла, ты ведь знаешь это.

– Лидия... – начинает он, но я не хочу слушать его доводы.

– Мики, ты знаешь Дани. Он хороший человек. Почему он должен быть замешан в этом деле?

– Валлин сказал, что они подозревают Дани в чем-то?

– Да, что-то типа того, – бормочу я, пытаюсь сдержать набегающие слезы.

– Обвинение предъявлено?

Я не отвечаю, и он обнимает меня. Я подползаю ближе, становлюсь совсем маленькой и прижимаюсь к нему.

– Я понимаю, что тебе очень трудно. Просто расскажи мне то, что ты знаешь, – шепчет он мне в затылок.

Я рассказываю Мики о Кристиане Валлине, пытаюсь припомнить мельчайшие детали. Я говорю, что разговаривала с начальником Дани, что была в его квартире, но в последний момент решаю умолчать о пятнах крови и беспорядке в коридоре.

Мики внимательно слушает.

– Они не могут без доказательств называть Дани подозреваемым. Ты уверена, что он не был знаком с Линнеей Арвидссон?

Я пытаюсь представить себе, как Дани мог оказаться втянут в эту историю, и припоминаю наш с ним разговор пару недель назад. Это было в тот день, когда папа упал и разбил себе лоб. Когда я вернулась с работы, он, как обычно, сидел в своем кресле, но все лицо было в потеках засохшей крови, а рубашка – в пятнах. Обработав рану, я позвонила Дани и сказала, что нам нужно нанять сиделку, которая бы следила за папой, пока я на работе, но мы достаточно быстро

пришли к тому, что у нас нет на это денег. Дани знал, как я беспокоюсь о папе, но он ведь не стал бы совершать никаких глупостей, чтобы оплатить сиделку?

– Нет, – сказала я. – Я не вижу никакой связи между ними, разве что кафе, в котором работает Дани, находится рядом с университетом, в котором учится девушка.

– То есть, возможно, они и встречались?

– Да, но ведь встречаться с кем-то вовсе не означает его похитить. Я просто с ума схожу. Я очень боюсь, что с Дани что-то случилось, что жертва – именно он. Ты не можешь разузнать, что именно знает Кристиан Валлин?

– Лидия. – Он вздыхает.

– Пожалуйста. Я готова на все.

– Это так не работает. У меня нет доступа к делам, над которыми я не работаю.

Я смотрю на него долгим взглядом, пытаюсь показать ему, как мне страшно из-за этой ситуации, но Мики не сдается. Наконец я встаю и одеваюсь.

– Ты не останешься? Сейчас половина первого.

Я качаю головой.

– Лидия, пожалуйста.

– Ты должен мне помочь, – серьезно говорю я.

Мики опять вздыхает, в этот раз долго и обреченно.

– Ничего тебе не обещаю, – отвечает он наконец.

Мне сразу же становится легче дышать.

– Спасибо большое, – говорю я.

– Не жди слишком многого. Не факт, что мне вообще удастся что-нибудь разузнать.

Я киваю Мики и думаю, что любая информация, которую ему удастся раздобыть, все равно лучше, чем ничего. Вся эта ситуация сгрызет меня изнутри. Я должна знать, куда делся Дани. После всего, что случилось, я в долгу перед моим братом.

Глава 11

Следующим утром я пришла в комнату Дани, в школу он идти не хотел. У меня было неприятное чувство, но Дани заверил меня, что у него просто болит голова и что он сдержит свое обещание.

В школе все говорили о том, что случилось вчера вечером. Две банды сошлись в стычке на ближайшем кладбище, и одного из парней пырнули ножом в живот.

Я сразу же подумала о Дани, но изо всех сил старалась не выказывать особой заинтересованности. Лишь стояла, прислонившись к шкафчику, и задавала вопросы потом, когда остальные затихли. Я узнала, что был ранен Мустафа из 9-го «А». Что его прооперировали, состояние тяжелое, но его жизни ничего не угрожает.

– Пока никого не поймали, – сказал Расмус. Сам он в драке не участвовал, но, похоже, знал довольно много о том, что случилось.

– Он умрет? – спросила Тереза.

– Не думаю. Но папа сказал, что это покушение на убийство. Тому, кто это сделал, грозит долгий тюремный срок. – Расмус хихикнул.

– Виновного найти будет не так уж и сложно, правда ведь? Ведь все видели, что там произошло, – сказала я рассеянно, хотя все мое тело дрожало от напряжения.

– Было темно, в драке участвовало много народу, но я слышал, что нож был только у одного.

– У кого? – спросила Тереза, и ее глаза загорелись от нетерпения.

Расмус наклонился поближе. Видно было, что он наслаждается всеобщим вниманием. Я задержала дыхание, я боялась, что сейчас он назовет имя моего брата. Я не знала, что именно сделаю в этом случае.

– А нож был у... – сказал Расмус, оглядывая всех собравшихся, – у Джексона.

Я вдохнула и несколько секунд не дышала, а потом выдохнула весь воздух, пытаясь унять колотящееся сердце.

– Конечно, – сказала Тереза, закатив глаза, и все остальные тоже закивали, вот только я ни на мгновение не поверила тому, что сказал Расмус. Все боялись Джексона, и если бы нож действительно был у него, никто бы в этом не признался.

– Ты мне не веришь? – сказал Расмус, оборачиваясь ко мне.

– Какая разница? – пробормотала я, не желая вступать в перепалку.

Расмус шагнул в мою сторону и встал прямо передо мной, так близко, что я чувствовала его дыхание. Он прижался ко мне, наполовину в шутку, наполовину всерьез.

– Тебе нужно научиться слушать, придурочная! – Он улыбнулся.

Остальные захихикали, Расмус схватил меня за шею и наклонил мою голову вниз. Потом он засмеялся так громко, что забрызгал мне щеку слюной, отпустил меня и отошел.

– Ты в порядке? – спросила Тереза.

Я подумала, что буду в порядке только тогда, когда кто-нибудь вонзит нож в живот Расмусу, но сдержалась и кивнула:

– Все нормально.

К нам подошел Юнас. Он работал ассистентом на переменах, патрулировал коридоры и отвечал за то, чтобы все было в порядке. Каждый раз, когда я видела его загорелые руки и ясные голубые глаза, у меня в животе все сжималось. Не знаю, почему он мне так нравился. Может быть, все дело было в длинных светлых волосах, а может быть, в том, что ему было двадцать пять и он водил мотоцикл. Иногда я видела, как после школы он мчался прочь на своей «Ямахе».

– Что случилось? – спросил он у меня, но вмешалась Тереза.

– Эта поножовщина! Какой ужас!

– Да, но не переживайте. Мустафа справится, он скоро вернется, а полиция схватит того, кто это сделал.

– Вы так думаете? – Тереза улыбнулась.

– Абсолютно уверен, у них уже есть свидетели. – Он замолчал и посмотрел на меня: – Можно мне с тобой поговорить, Лидия?

Тереза помрачнела и вместе с другими тремя девочками из нашего класса удалилась.

Юнас прислонился к подоконнику.

– Я уже несколько дней не видел твоего брата, что с ним?

– Все нормально, – сказала я, уставившись на потрепанный линолеум.

– Ты ведь знаешь, что я просто хочу помочь, правда? Это моя работа.

– Он немного простужен.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Нет, он придет завтра.

– Отлично. – Юнас кивнул. – Передай ему, что сегодня вечером в молодежном клубе турнир по бильярду. Я буду там до десяти, так что, если он почувствует себя лучше или захочет поговорить, пусть приходит. И ты, конечно, тоже.

– Хорошо, – ответила я, и в это время раздался звонок на урок.

Когда я вернулась домой, на кухне был полный бардак. Масло, хлеб и сыр стояли на столе, кто-то пролил какао на пол. Дани сидел в своей комнате и играл в «Зельду».

– Тебе лучше?

– Да, – сказал он, не сводя взгляда с экрана.

– Хорошо. Нам нужно прочитать письмо от твоего классного руководителя, посмотреть, что ты пропустил.

– Знаю, но пока не хочу.

Он громко засмеялся, пройдя очередной уровень, залез рукой в пакет с шоколадными хлопьями, стоявший у него на коленях, и засунул их в рот.

– Что значит не хочешь? Ты что, забыл, о чем мы говорили сегодня ночью?

Дани умоляюще посмотрел на меня:

– Мы можем просто забыть об этом?

– Ты шутишь, что ли? Ты был очень расстроен, а я обещала тебе помочь.

– Я изменился, понятно? Все в порядке.

– Нет, не в порядке! – я уже почти кричала.

– Лидия, займись своими делами и оставь меня в покое.

Он снова принялся за игру. Я почувствовала закипающую ярость, бросилась в комнату и выключила телевизор.

– Ты что делаешь, блин?

– Ты оставил на кухне еду, – прошипела я.

Дани зло посмотрел на меня, но все-таки встал, бросил геймпад на кровать и вышел из комнаты.

– Чертова сучка! – услышала я его бормотание.

Я уже собиралась уйти, но вдруг мой взгляд упал на дверь шкафа с одеждой. Я подумала о том, что говорили о Мустафе, и перед моими глазами всплыла окровавленная куртка Дани. Мне совершенно не хотелось этого делать, но я знала, что должна.

Я осторожно открыла шкаф, засунула внутрь руку и достала то, что Дани засунул туда вчера, потом бросилась к себе в комнату и закрыла за собой дверь.

Сердце билось в груди, когда я рассматривала футболку, чувствуя, какая она тяжелая. В нее что-то было завернуто. Я подошла к окну, чтобы разглядеть это на свету, и осторожно развернула ее. Я увидела, как на ткани проступили темные пятна, а потом сверкнуло лезвие.

Я стояла, разглядывая лежащий передо мной нож, и пыталась собраться с мыслями. Откуда он взялся? Это нож Дани? Или чей? И наконец, неужели он действительно такой дурак?

Когда ко мне вернулась возможность соображать, я завернула нож обратно в футболку и засунула ее поглубже к себе в сумку. Все мое тело дрожало, я пыталась понять, что мне делать. Первой моей мыслью было рассказать Дани, что я нашла нож, но я тут же передумала. Я не хотела, чтобы он разозлился, я не хотела слушать никаких объяснений. Но нужно было что-то сделать, я не могла просто оставить нож на месте.

Я вышла в коридор. Дани вернулся в свою комнату. Я услышала звук включившейся видеоигры, крикнула, что пойду прогуляюсь, и сбежала вниз по лестнице на улицу.

Несмотря на то что я прожила здесь всю свою жизнь, я чувствовала себя потерянной. Я столкнулась с женщиной в большой стеганой куртке, она накричала на меня и велела мне смотреть, куда я иду. Я обошла весь квартал, прошла мимо парикмахерской, в окнах которой висели фотографии женщин с объемными прическами, киоск, где продавали дешевые конфеты.

Дани не понимал, насколько все серьезно. Если Мустафу пырнул ножом именно он, его все равно найдут. Может быть, будет лучше, если он сам признается? И тогда, возможно, ему помогут?

Когда я думала об этом, я едва могла дышать. Я ведь всего лишь хотела помочь Дани, я хотела, чтобы у него все было хорошо. Чтобы он перестал общаться с Джексонсом и со всеми остальными. Но у меня ничего не вышло. И я не могла больше ничего сделать.

Меня бесило, что мой брат так подставился, что он не понимал, насколько все плохо. Вся его жизнь могла пойти под откос, вся наша семья рушилась. Если бы папа узнал, что Дани кого-то порезал, он бы этого не выдержал. Но что мне оставалось делать? Нельзя же было оставлять все как есть. К тому же тринадцатилетних в тюрьму не сажают.

Я перешла улицу и пошла в сторону школы «Хойа», хотя так и не решила, что именно буду делать. Я обошла низкое здание из красного кирпича, с железной крышей и зелеными дверями, и остановилась в нескольких метрах от входа.

Стоял прекрасный день, сияло солнце. Тонкий слой снега подтаял, с крыши капала капель, но кое-где в тени все еще лежали сугробы. В моей голове кружились разные мысли, я слышала голоса: один говорил, что я не могу подвести Дани, а другой – что если я не буду действовать, станет еще хуже. Мой брат подставил меня невыносимым образом – что бы я ни сделала, будет плохо. Я была зажата в угол.

И тут я услышала звук. Сначала раздался рев, у ворот он стал тише, а на парковке смолк совсем. Юнас остановил свой мотоцикл, опустил подножку, достал тяжелую цепочку, продел ее через заднее колесо и прикрепил к стоянке. Замок сверкал на вечернем солнце. Я не могла оторвать от него взгляд. Оставалось только надеяться, что никто не видит, как я уставилась на него, в принципе, в школьном дворе никого не было.

Он снял шлем и пошел в мою сторону. Я не знала, куда мне деваться. Я повернулась и пошла назад, в ту же сторону, откуда пришла. Но Юнас уже увидел меня.

– Лидия! – крикнул он и помахал мне.

Я остановилась посреди двора и помахала ему в ответ.

– Как здорово, что ты пришла.

– Я, в общем... – начала я, но замолчала. Я совершенно не понимала, что мне делать.

– Ты играешь в бильярд?

Мой мозг отчаянно работал в поисках ответа на довольно-таки простой вопрос. Я не смогла выдавить из себя ничего умнее какого-то «у».

– Что-то случилось?

Я покачала головой, но, видимо, не слишком убедительно.

Возле входа в молодежный клуб собрались какие-то подростки, Юнас отвел меня в сторону, мы остановились под каштаном.

– Тебе нужно поговорить?

Я несколько раз сглотнула и уставилась на голые ветки дерева. Я вспомнила, как ребенком собирала каштаны и набивала ими полные карманы. У нас с Дани в комнате были целые коробки каштанов. Мне очень хотелось убежать оттуда, просто повернуться и убежать, но что-то меня удерживало.

Юнас обнял меня за плечи, и мое тело пронзил электрический разряд.

– Расскажи мне, что случилось, я тебя выслушаю, – почти прошептал он.

Его голубые глаза смотрели так пронзительно, и я подумала, что на меня еще никогда и никто так не смотрел. То есть не просто пробежал по мне взглядом, думая, «а, это Лидия», при этом не видя меня на самом деле, и не думая о том, что я Лидия, человек, у которого есть мысли и чувства.

Моя рука полезла в сумку, расстегнула застежку. Я подумала о Дани, о том, каким испуганным и расстроенным он был в ванной, о том, что это может случиться снова. Еще не раз он придет домой в окровавленной одежде, и однажды пырнут ножом его самого.

Я посмотрела в глаза Юнасу. Почувствовала, как бьется мое сердце. То, что я собиралась сделать, должно было изменить всю нашу жизнь. И пути назад не было.

Юнас ободряюще кивнул мне, я глубоко вздохнула.

– Мне нужно кое-что вам показать, – сказала я, засовывая руку в сумку.

Глава 12

Резкий звонок телефона вырывает меня из объятий сна. Еще не до конца придя в себя, я сажусь, щурюсь от лучей света, пробивающихся через жалюзи, и пытаюсь понять, сколько сейчас времени. Я еще не совсем проснулась, но следующий звонок телефона приводит меня в чувство, я думаю о том, не проспала ли я. Может быть, мне звонят с работы, потому что я пропустила планерку в десять утра?

Я неловко хватаю телефон, пытаюсь разглядеть, кто мне звонит.

– Алло!

– Спишь? – спрашивает Мики.

– Нет, все хорошо, – отвечаю я резко. – Ты что-то выяснил?

Я слышу на фоне голоса и понимаю, что он еще на работе.

– Да.

В его голосе слышится отстраненность, словно он не хочет со мной разговаривать.

– Что?

– Есть видео с камеры наблюдения.

– На нем Дани?

– Больше я ничего сказать не могу.

– Ты хочешь сказать, что у них есть доказательства того, что Дани что-то сделал с Лин-ней? Нет, это ошибка.

– Его подозревают по праву, выдан ордер на его арест, – продолжает Мики жестко. – Вполне возможно, что у них на руках есть его имя и фотография, и он объявлен в розыск.

Что-то внутри меня холодеет. Я думаю о папе, я не хочу, чтобы он об этом узнал.

– Но если он невиновен...

– Лидия. – Он вздыхает. – Я просто хочу, чтобы ты была готова.

– Поняла. Спасибо.

Я сажусь на постели и сжимаю в руке мобильник. Пытаюсь нащупать почву под ногами. Проходит несколько минут, потом я решаюсь. Я звоню на работу и беру больничный, в душ не иду, но готовлю папе завтрак и обед, а потом выхожу из квартиры.

Я стою в зале ожидания полицейского участка, теребя в руках карточку Валлина. Я жду того, кто меня проводит. Передо мной вьется длинная очередь из людей, которые пришли сюда по разным вопросам. Пожилой мужчина на ломаном шведском раз за разом просит ему помочь, но женщина в униформе за окошком из плексигласа только показывает ему на выдающий талончик аппарат, где можно понажимать разные кнопки и встать в очередь по некой замысловатой системе. Мужчина качает головой, он не понимает, что ему делать, но женщина отказывается разговаривать с ним прежде, чем он возьмет талончик. Когда она в третий раз просит его отойти, атмосфера накаляется. Люди в очереди начинают возмущаться, но я не понимаю, кем именно они недовольны – женщиной или стариком.

Когда Кристиан Валлин открывает стеклянную дверь в коридор полицейского участка, я чувствую облегчение. Я не была уверена в том, что он меня примет, потому что, разговаривая с дежурным администратором, я не могла четко сформулировать, зачем пришла. Возможно, он думает, что я хочу узнать у него про Дани.

Он кивает мне и провожает в безликий кабинет со светло-желтыми обоями, маленьким письменным столом и двумя стульями с серыми сиденьями. На окне стоит одинокое растение, вполне возможно, искусственное. Нигде нет ни малейшего намека на то, что Кристиан Валлин – живой человек, у которого есть семья и хобби. Он закрывает за собой дверь, я сажусь на стул и чувствую, как у меня повышается пульс.

– Итак, – говорит он и садится за стол напротив меня. – Вы хотели мне что-то рассказать? Его голос звучит подчеркнуто официально, взгляд очень пристальный. Как глупо заявиться сюда без обдуманного плана.

– Дани невиновен, – говорю я, глядя ему прямо в глаза. – Он никогда бы не причинил никому зла.

– Разве он не сидел в тюрьме за побои?

Я мотаю головой, мне очень трудно держать себя в руках. Валлин абсолютно уверен в своей правоте. Я знаю, о чем он думает, когда смотрит на меня и моего брата. Мы для него мусор.

– Что бы вы ни думали, этому есть логическое объяснение.

Взгляд Валлина становится мягче. Кажется, ему меня жалко, наивную сестру, которая верит только хорошему о своем брате. Но та картинка, которую он себе нарисовал, не соответствует реальности. Я знаю, что Дани часто совершал глупые поступки, но в этот раз я должна в него верить. Я больше не предам его, ни за что на свете.

– У вас нет доказательств, – говорю я наконец, скорее ради провокации. Мне нужно знать, что в руках у полиции. Это дальний бросок, но, кажется, он попадает в цель. Валлин берет в руки папку, лежащую перед ним на столе, медленно открывает ее и перебирает файлы до тех пор, пока не находит что-то. Он достает эту бумагу и кладет ее передо мной.

В моей груди образуется бездонная яма. Я знала, что у них есть нечто подобное, и все-таки от этой фотографии я цепенею.

Передо мной лежит снимок с камеры наблюдения на Центральном вокзале Мальмё. Я вижу спешащих по своим делам людей, а прямо посреди толпы – мой Дани. Его видно очень четко, хотя тело развернуто к нам боком, он оглядывается через плечо. Рядом с ним молодая женщина, напоминающая исчезнувшую Линнею Арвидссон. Ее глаза широко распахнуты, кажется, она чего-то боится.

Я наклоняюсь ближе и внимательно изучаю фотографию, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение тому, что на ней происходит. Ведь иногда видишь совсем не то, что есть на самом деле. Дани и Линнея Арвидссон, возможно, просто случайно столкнулись. Я изучаю язык их тел, пытаюсь как-то истолковать их позы. И тут я вижу. Если не вглядываться, то и не заметишь, но увидев, забыть уже невозможно. Я сглатываю и украдкой смотрю на Валлина, который не сводит с меня взгляда. Там, где соприкасаются их тела, рука Дани сжимает руку Линнеи выше локтя.

– Это еще ничего не значит, – говорю я, пытаюсь сохранять спокойствие. – Возможно, она споткнулась, а он подхватил ее, чтобы она не упала.

– Знаете ли вы, сколько камер наблюдения работает на вокзале? – спрашивает он. – Сто шесть. На всех видео ваш брат держит Линнею Арвидссон за руку.

Он забирает фотографию и засовывает ее в папку.

– Вашего брата подозревают законно, – продолжает он, – и вы, конечно, понимаете, что для Даниеля будет лучше, если Линнею Арвидссон найдут живой. Так что подумайте еще раз – нет ли такого места, куда бы он мог отправиться?

Я едва могу дышать. Зачем Дани схватил Линнею Арвидссон? Должно же быть этому какое-то объяснение. Как бы я ни хотела верить брату, у меня из головы не выходят ее испуганные глаза. Похоже, она просто в ужасе. Может быть, именно для этого ему нужен был пистолет? Чтобы было легче ее похитить?

Я пытаюсь поставить себя на место Дани. Если он увез Линнею Арвидссон вопреки ее воле, куда он мог отправиться? Насколько я знаю, у него нет знакомых за пределами Мальмё, и кажется очень странным, что он вынудил ее сесть в поезд и поехать в случайном направлении.

Я смотрю на карту региона Сcone, висящую передо мной, пытаюсь вспомнить, не говорил ли он когда-нибудь о каком-нибудь месте. И тут мне в голову приходит одна мысль. Однажды,

когда мы были еще маленькими, мамин коллега сдал нам домик в северном Сконе. Это была довольно-таки дряхлая избушка прямо посреди леса, но мама настояла, чтобы мы провели там неделю, чтобы мы, дети, вернувшись в школу после каникул, тоже могли рассказать, что были в отпуске.

Я закрываю глаза и мысленно возвращаюсь к озеру с черной водой и шатающейся пристанью, куда мы ходили каждый день. Я помню сухарики, которые мы брали с собой, пакет сока и масляное печенье. Пока мы, дети, играли в песке, папа слушал радио, а мама читала книгу с глянцевой обложкой. Конечно, мы не летали чартерным рейсом в только что построенный отель класса люкс с пахнущим хлоркой бассейном, но это была моя первая в жизни поездка. По вечерам мы играли в карты, ели чипсы и разжигали камин, хотя от него становилось так жарко, что приходилось спать с открытыми окнами. Вокруг нас вились комары, но мама говорила, что ничего страшного, если они нас слегка кусают, главное, что мы выбрались куда-то.

– Нет, – отвечаю я, открывая глаза.

Валлин смотрит на меня. Он хочет заставить меня рассказать ему о моих мыслях, но я не поддаюсь.

– Вы уверены?

Я встаю.

– Мне в голову ничего не приходит, – говорю я равнодушно и выхожу из его кабинета.

Глава 13

Все выходные я работаю, но мне трудно сосредоточиться. Несколько раз в час я проверяю мобильный, надеясь, что Дани выйдет на связь. В понедельник, через неделю после того, как Кристиан Валлин первый раз постучался в нашу дверь, выходит новая статья о Линнее Арвидссон. Заголовок рубрики гласит: «Двадцатидвухлетняя девушка все еще не найдена». В конце статьи приводится еще одно интервью с Ричардом Бофорсом, в этот раз в формате видео.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.